

lt. sing.

151

i

2° It. sing. 151ⁱ

<36616024410016

<36616024410016

Bayer. Staatsbibliothek

2° Н. sing. 151⁴

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ПЕРСІЮ.

Письма

КН. А. Д. САЛТЫКОВА.

(съ портретомъ Нассеръ-Эдинъ-Мирзы иынъ Шаха Перси.)

1849

207 14

791/79/6284

2° It. sing. 151 ⁱ

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕРСІЮ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕРСІЮ.

П И С Ь М А

Ген. А. Д. Салтыкова.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ НАССЕРЪ-ЭДДИНЪ-МИРЗЫ, ВАЛІАТА (НАСЛѢДНИКА),
НЫНѢ ШАХА ПЕРСІИ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1849.

Saltzko

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1849 года, Ноября 4 го дня.

Ценсоръ В. Лешковъ.

ПРЕДМОВА.

Еще въ дѣтствѣ познакомился я съ извѣстнымъ нашимъ художникомъ Орловскимъ. Онъ былъ на Кавказѣ, и его кисть тогда уже переносила мое воображеніе на Востокъ. Въ то же время я узналъ о Персидскомъ посольствѣ въ Россію, и ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ оно прибыло, въ 1816 году, въ С.-Петербургъ; мнѣ тогда было 12 лѣтъ. Въ одинъ туманный зимній день, въ три часа по полудни, нетерпѣливое ожиданіе мое разрѣшилось трепетнымъ чувствомъ удовольствія. У окна родительскаго дома на Дворцовой набережной, раздался торжественный звукъ кавалергардскихъ трубъ, и вдали появились двѣ громады, которыя медленно, съ страннымъ колебаніемъ, подвигались впередъ. Это были слоны, предшествующіе поѣзду посольства. Въ чудномъ убранствѣ, фантастически росписанные, и въ сапогахъ, эти движущіяся колоннады прошли какъ чудныя созданія невѣдомаго міра. Слѣдомъ ѣхали два Абиссинца въ бархатной шитой золотомъ одеждѣ на ярыхъ жеребцахъ. За ними угрюмые Персіяне, въ своемъ обычномъ нарядѣ, вели подъ уздцы двѣнадцать коней. Потомъ слѣдовала толпа Персидскихъ всадниковъ въ великолѣпныхъ парчевыхъ и шалевыхъ одеждахъ, и наконецъ придворная золотая карета цугомъ, съ скороходами и камеръ-пажами. Въ ней сидѣлъ посоль, Фетъ-Али-Шаха, Мирза-Абуль-Гассанъ-Ханъ, въ бѣлой шалевой одеждѣ, съ алмазной звѣздой и зеленой лентой ордена Льва и Солнца. Его сопровождали девять Персидскихъ всадниковъ, съ заводными странно-осѣдланными конями. Весь поѣздъ заключался казачьимъ полкомъ и кирасирскимъ эскадрономъ.

Это странное видѣніе произвело на меня сильное впечатлѣніе и породило страстное желаніе видѣть Востокъ и особенно Персію. Спусти долгое время, желаніе мое исполнилось: я былъ въ Персіи, прожилъ два года въ Индіи, изъѣздивъ ее во всѣхъ направленіяхъ. Любопытство мое еще не вполне удовлетворилось, а тоска по отчизнѣ томила уже меня, и я возвратился въ Россію, оживъ чувствами. Но страсть къ путешествію завлекла уже чувства мои. Европу я видѣлъ; она уже мнѣ опостылѣла; въ Италиі и Испаніи мнѣ казалось все пошло и несносно; въ Англіи, Германіи и Франціи мелочно и нестерпимо: Индія возстала въ памяти моей столь плѣнительной, что желаніе пожить еще въ этой волшебной природѣ, посреди первоначальныхъ обычаевъ народовъ и нравовъ, неискаженныхъ мнимою образованностію, было во мнѣ непреодолимо. Я поѣхалъ въ Индію, пробылъ тамъ цѣлый годъ въ безпрестанныхъ повздакахъ, осмотрѣлъ много мѣстъ, которыхъ не удалось видѣть въ первое мое путешествіе; но второе впечатлѣніе было не на столько уже облечено очарованіемъ, какъ первое. Скоро пожелалъ я снова родины; но любовь къ Индіи еще не изсякла, и, можетъ быть, я навѣщу ее въ третій разъ и взгляну болѣе безпристрастнымъ взглядомъ, болѣе изучу и природу и бытъ народа, столь строго и неуклонно живущаго въ исконныхъ обычаяхъ своихъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕРСІЮ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ, 22-го АВГУСТА 1858.

Наконецъ я у подошвы Кавказскихъ горъ. Въ воздухѣ примѣтна уже сырость и прохлада; кончилась равнина, по которой я ѣхалъ отъ самаго Петербурга до Владикавказа (за исключеніемъ Валдайскихъ возвышенностей). Здѣсь я оставляю конвой (пѣхотный и конный), который провожалъ меня отъ Екатеринодара, около ста верстъ, по Кабардинской плоскости, не безопасной отъ набѣговъ Черкесъ. До Тифлиса осталось только 170 верстъ. Дорога по Кабардинской плоскости проходитъ среди полей, заросшихъ высокой травой, и часто пересѣкается ручьями чистой и холодной воды. Мѣстами въ отдаленіи видны дубовыя рощи, а далѣе синія горы. Изрѣдка встрѣчаешь стадо барановъ съ пастухомъ, въ которомъ нельзя не узнать Азіатца (Кабардинца или Осетина).

Хотя всѣ народы, обитающіе здѣсь, носятъ одинаковую одежду, но Азіатцы имѣютъ въ физіономіи и движеніяхъ что-то разительное и странное: въ нихъ нельзя ошибиться. Отъ чего такая суровая дикость въ ихъ лицахъ? Нашъ докторъ, при миссіи въ Персіи, Капгеръ, можетъ быть, справедливо замѣтилъ, что это происходитъ отъ солнца, потому что они не носятъ козырьковъ и принуждены хмурить брови.

Не знаю, какъ въ горахъ, а на равнинахъ Кавказскихъ нѣтъ другой пищи, кромѣ арбузовъ и яицъ. Яица въ жаркихъ климатахъ довольно вредны, а что касается до *бураковъ* изъ арбуза, въ томъ видѣ какъ ихъ дѣлаютъ здѣшніе жители, то надо имѣть слишкомъ невинный вкусъ, чтобы довольствоваться столь патріархальною похлебкой. Цыплята въ сахаръ, какъ мнѣ ихъ подавали въ Ставрополѣ,* также не по моему вкусу. Но обратимъ вниманіе на Кабардинскія степи. Иногда проѣзжій слышитъ скрипъ колесъ, возвѣщающій цѣпь телѣгъ, запряженныхъ волами и провожаемыхъ Осетинами. Изрѣдка попадаются близъ дороги шалаши бѣдныхъ жителей. Я вошелъ въ одинъ изъ нихъ. Въ немъ сидѣла блондура женщина въ бѣломъ платьѣ, высокая ростомъ, еще молодая, на деревянномъ диванѣ, въ странныхъ формахъ и изваяніяхъ котораго виденъ былъ первобытный стиль, а не подражаніе Европейскому, хотя нѣкоторое сходство съ готическими формами можетъ быть и доказывало Европейское происхожденіе Осетинъ. Неожиданный приходъ мой ни сколько не потревожилъ Осетинку, — она даже не взглянула на меня.

Мѣстоположеніе Владикавказа у подошвы ледяныхъ горъ похоже на Боценскую долину въ Тироли. На базарѣ я видѣлъ людей разныхъ племенъ, которыхъ еще не умѣю различать.

Не знаю, къ какому народу принадлежатъ женщины, которыя приносятъ продавать на базарѣ бѣдныя произведенія своихъ ауловъ. Покрой ихъ простой одежды изъ крашеной холстины носитъ на себѣ какой-то отпечатокъ первыхъ временъ Азіи; мнѣ показалось, что я вижу тѣхъ же самыхъ женщинъ, которыя здѣсь жили за нѣсколько тысячъ лѣтъ. Выраженіе лицъ ихъ меня удивило. Я никогда еще не видывалъ подобной дикой простоты, кака я изображалась въ ихъ чертахъ. Вѣроятно, уединенныя жилища ихъ скрыты отъ шумной жизни въ одной изъ печальныхъ долинъ Кавказа, и онѣ рѣдко приходятъ въ городъ.

* Гдѣ я неожиданно встрѣтился и обѣдалъ съ Хазы-Гиреемъ, находящимся тамъ въ отпуску.

Но утомленное воображеніе не владѣтъ уже карандашемъ, и я принужденъ обратиться къ перу, сколь ни жалко это средство.

Наконецъ я совершенно окруженъ горами, въ узкой долинь, гдѣ стройные Черкесы скачутъ въ разныя стороны на легкихъ лошадяхъ, или живописно толпятся на лугахъ. Сцена освѣщена утреннимъ солнцемъ; но нѣкоторые мѣста еще затаились въ туманъ; все зелено; черныя буйволы рѣзко отдѣляются на бирюзовой травѣ; высокія горы покрыты лѣсомъ; за ними другія еще выше въ темносѣрой тѣни, а далѣе снѣговыя вершины скрываются въ небесахъ. Женщина, которую я вижу на арбѣ, не дурна собой, коса ея завернута въ грубый холстъ, ноги и грудь обнажены: какая странность въ понятіи о приличіи!

Рѣка змѣится и шипитъ въ долинь, которая все болѣе и болѣе суживается. Казачій пикетъ на крутомъ холмѣ доказываетъ, что мѣсто не совсѣмъ безопасно; но бѣдные жители приветствуютъ меня; дѣти просятъ милостыни; женщина, которая несетъ ношу на спинѣ, также хотѣла бы дождаться, чтобъ и ей что-нибудь дали, но шаравары ея изорваны въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе требуютъ покрова, и потому она проходитъ, краснѣя, и закрывая руками обнаженное тѣло.

Однакоже берега обращаются въ тѣснину; становится сырѣе и темнѣе; дорога узка и поката. Открывается другой видъ, мрачный и дикій; громады горъ одна надъ другой громоздятся около меня; уединенный аулъ таится въ глухомъ ущельѣ. Черкесь въ черной буркѣ на вершинѣ хребта стережетъ свое стадо. Лѣса густѣютъ на горахъ, стада овецъ разсыпаны по крутымъ утесамъ, пастухи лежатъ въ долинь на сухой травѣ, а лошади пасутся возлѣ нихъ. Съ какой необъятной вышины спускаются тропы въ эту печальную долину; по этимъ уединеннымъ стезямъ пришла сюда вся эта паства изъ бѣдныхъ деревень, сокрытыхъ въ горныхъ глубинахъ пустынныхъ скалъ. Мы остановились кормить лошадей въ самомъ дикомъ мѣстѣ; старинный замокъ на утесѣ недавно еще былъ обитаемъ Осетинами, но теперь покинутъ. Мы ѣдемъ далѣе; огромный камень лежитъ посреди дороги. Вѣрно это обломокъ,

нѣкогда упавшій съ неизмѣримыхъ стѣнъ, окружающихъ теперь меня; въ немъ почернѣвшія отъ огня впадины доказываютъ, что тутъ жили люди. Дорога идетъ сквозь кустарникъ дикихъ ягодъ; мутная рѣка шумитъ и рвется между скалъ; страшныя крутизны все болѣе сдвигаются предо мною, и какъ будто грозятъ заточить меня въ мрачной глубинѣ этого лабиринта. Еслибъ я вѣрилъ, что есть край свѣта, то конечно подумалъ бы, что онъ здѣсь. Мнѣ стало страшно, сердце сжалось, и я съ дѣтскимъ безпокойствомъ искалъ въ темныхъ стѣнахъ дикихъ утесовъ, не прояснится ли гдѣ путь; но казалось, что злой духъ Кавказа нарочно загородилъ его громадой исполинскихъ горъ. Чтобъ видѣть свѣтъ, я посмотрѣлъ на верхъ, но голова закружилась отъ необъятной вышины, я опустилъ взоръ и понялъ съ невольнымъ ужасомъ, что ѣду по дну необычайной пропасти, которой стѣны воздымаются до небесъ. Еслибъ я не встрѣтилъ Русскаго солдата въ ранцѣ и въ бѣлой фуражкѣ, то подумалъ бы, что не здѣсь лежитъ мой путь, что я заблудился въ глуши безвѣстныхъ пустынь Кавказа, которыхъ дикое безмолвіе никто еще не нарушалъ; но тутъ везетъ меня ямщикъ, сморкающійся рукой, въ полусолдатской одеждѣ.

Ущелье начинаетъ расширяться, и посреди его возвышается одинокая скала, а на ней древній замокъ, какъ орлиное гнѣздо, виситъ на крутизнѣ; здѣсь, можетъ быть, въ старину, обитало какое-нибудь хищное племя. Въ почернѣвшихъ отъ времени башняхъ и стѣнахъ, которыя я вижу на высотѣ, можетъ быть много несчастныхъ жертвъ томилось и погибло. Мирный голосъ не отвѣчалъ на безнадежные вопли, и одно эхо грозныхъ горъ дико повторяло ихъ жалобные крики. Вдругъ яркій лучъ солнца проникъ въ эту унылую пустыню, согрѣлъ меня и какъ будто озарилъ душу. Мертвая сѣрая тѣнь, лежащая на всѣхъ предметахъ, окружающихъ меня, превратилась въ живой свѣтъ; дикіе утесы и черныя развалины ярко заблестали и явились мнѣ волшебными замками въ очарованной долині.

Чтобъ насладиться сколь возможно болѣе природой, я по большей части иду пѣшкомъ. Давно ли еще былъ я въ толпѣ гуляющихъ

по Невскому проспекту и набережной, — а теперь въ такой дали, въ такой глуши Кавказа, тѣду въ Персію. Неужели это истина, а не прекрасный сонъ? Но истина почти всегда однообразна и печальна; за то, въ вознагражденіе, самыя лестныя мечты оживляютъ мои чувства. Вотъ еще старинный замокъ; Черкесы, кажется, живутъ въ немъ; я вижу сакли подъ стѣнами башень.

22-го Августа 1838 года. Карета моя виситъ надъ пропастью; но опасности, кажется, нѣтъ: дорога не худа. Я вспомнилъ о Греціи, — мой путь изъ Пароса въ Навплию: тамъ горы не столь высоки, но дорога страшнѣе и опаснѣе; узкія тропы по скользкому снѣгу, надъ глубокими пропастями, приводили въ трепетъ даже вѣрныхъ нашихъ муловъ; однакоже, въ замѣнъ трудности пути, мы пользовались видами дикой природы, ночлегами въ полуразвалившихся сараяхъ; ужинъ нашъ состоялъ изъ соленыхъ сливъ и вина, похожаго на скипидаръ; ибо въ Греціи въ вино кладутъ смолу или деготь, чтобъ оно некисло, путешественниковъ же утѣшаютъ увѣреніемъ, что деготь полезенъ для желудка.

КРЕСТОВАЯ ГОРА. *

Я взобрался на Крестовую гору. Вся дикость природы исчезла. Необъятное пространство открылось далеко подо мной; тамъ горы, долины, лѣса и луга сливались въ одну гармоническую картину, — я не ясно понималъ, гдѣ я. Мнѣ снилось иногда, что я блуждаю въ какихъ-то подземныхъ пещерахъ и тайныхъ переходахъ, и потомъ вдругъ выхожу на свѣтъ въ прекрасную долину; но такой пространной долины, какова теперь предо мной, я не видалъ во снѣ; мое воображеніе не могло нарисовать такой великолѣпной картины. Въ этомъ волшебномъ зрѣлищѣ была какая-то неизъяснимая важность и спокойствіе; какъ будто послѣ бури настала тишина, или послѣ дикихъ переходовъ Роберта вдругъ раздался хоръ ангеловъ. Эта необозримая картина была Грузія.

* Гуть-гора и Крестовая гора — одно и то же.

23-го Августа. Я долго спускался съ Кавказа, и когда въѣхалъ въ Грузію по направленію къ Тифлису, то видъ, окружившій меня, напомнилъ о берегахъ Рейна. Лѣсистыя горы, скалы, заросшія плющемъ, и старинныя замки, плѣняли меня съ обѣихъ сторонъ; но вмѣсто рѣки между этими горами была широкая долина, заросшая фруктовыми деревьями, виноградомъ, разнороднымъ плющемъ и кустарникомъ. Все это сплеталось въ одну темную густоту и образовало непроницаемая убѣжища отъ зноя и таинственный пріютъ для нѣги сердца и наслажденій. Посреди всего этого почти непримѣтно змѣится бѣловатый ручей, называемый *Арагва*. Домовъ не видно, потому что Грузины пользуются покато-стями земли, чтобъ выкапывать въ нихъ пещеры, и тамъ живутъ; если же нѣтъ покато-стей, то просто роютъ яму въ землѣ и сидятъ въ ней, прикрывъ свою нору вѣтвями; дышать тамъ трудно, — да все равно, надо же, — думаютъ они, — когда-нибудь лечь навсегда въ землю: такъ ужъ лучше заблаговременно привыкать.

Посреди густой зелени, совершенно не видно этихъ подземныхъ Грузинскихъ палатъ, — и тѣмъ лучше; это придаетъ таинственный и пустынный видъ долинамъ. Мѣстами орѣховыя деревья раскидываютъ широкую тѣнь; изрѣдка видны луга; но трава пожелтѣла уже отъ солнца — невыгода хорошихъ климатовъ. На лугахъ пасутся коровы, буйволы и свиньи, отвратительное животное, которое портитъ поэзію картинъ; но такъ какъ оно повсемѣстно, то по неволѣ надо стараться къ нему привыкать. Стада стерегутъ длинноусые Грузины въ полу-Персидской одеждѣ. Подъ тѣнью орѣховыхъ деревъ иногда встрѣчаются небольшія строенія, состоящія изъ трехъ каменныхъ стѣнъ съ соломенною или настланною изъ вѣтвей крышею; четвертой стѣны нѣтъ, передняя часть открыта; тутъ продаютъ вино и самый отвратительный сыръ изъ козьего или овечьего молока; иностранецъ не постигаетъ, какъ можно его ѣсть, а природные жители употребляютъ его, какъ обыкновенную пищу, съ большимъ вкусомъ. Около этихъ лавокъ (по тамошнему *духанъ*) лежатъ беззаботныя Грузины, курятъ трубки или пьютъ вино; а женщины занимаются садами.

отъ берега Арагвы замѣтно становятся каменисты и безплодны, по мѣрѣ, какъ приближаешься къ Тифлису, отъ котораго я теперь въ 15 верстахъ. За недостаткомъ лошадей я долженъ былъ остановиться въ Душетѣ, сквернѣйшемъ городѣ на высокомъ мѣстѣ. Я былъ очень голоденъ, и выѣзая изъ кареты (это было поздно), рѣшительнымъ голосомъ спросилъ ужинать, ожидая, что на мое требованіе съ изумленіемъ отвѣтятъ, что ничего нѣтъ, какъ здѣсь въ Грузіи и на Кавказѣ обыкновенно водится; но, къ удивленію моему, трактирщикъ засуетился, началъ разводить огонь и будить своихъ товарищей, которые спали у порога подъ открытымъ небомъ; они медленно покидали одры свои.

По большой и унылой площади Душета, подъ глубокимъ сводомъ небесъ, богато усыпанномъ милліонами звѣздъ, ни малѣйшій вѣтерокъ не потрясалъ тишины воздуха, теплаго, какъ въ Русской банѣ, и исполненнаго аптечнымъ запахомъ ароматныхъ травъ. Въ ожиданіи ужина, я долго прохаживался, слышалъ уже пѣніе первыхъ пѣтуховъ. Нѣмецъ приготовилъ для моего ночлега все необходимое; я видѣлъ, что давно уже горѣли Московскія свѣчи, которыми онъ гордился, но не шелъ въ комнату нарочно, чтобъ хотя ему досадить за то, что терплю такой продолжительный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Послѣ неоднократныхъ предвѣщаній утра Душетскими пѣтухами, я все еще бродилъ взадъ и впередъ, съ досадой въ душѣ, по безотрадной площади, и вдругъ слышу жалобные стоны погибающаго въ мученіяхъ существа. Смертный холодъ пробѣжалъ по мнѣ, и я весь оцѣпенѣлъ. Но слухъ мой удвоился, и я нѣсколько секундъ прислушивался къ страшному хрипѣ и отчаянному визгу несчастной жертвы, приносимой въ утоленіе моего голода: ее терзалъ тупой ножъ неловкаго Грузина; полусонный, онъ машинально рѣзалъ и давилъ, а полузадушенные крики, подобно острымъ жаламъ, одинъ за другимъ вбивались въ мое сердце; я былъ виновникъ этой страшной казни. Бѣдный цыпленокъ долженъ былъ претерпѣть всѣ ужасы насильственной смерти, и пожертвовать свое бѣлое тѣло для моего ужина. Заказывая этотъ преступный ужинъ, мнѣ и въ голову не пришло, что разбудятъ несчастныхъ неволь-

никовъ, отнять дѣтище у курицы, и повлечь его на казнь для того только, что я не довольствуюсь сухимъ хлѣбомъ съ пескомъ. Но въ эту минуту отвратительная истина явилась мнѣ во всей своей безобразной наготѣ. Среди ночи и безмолвія, въ уныломъ уединеніи, тяжелое впечатлѣніе произвело во мнѣ отвращеніе къ самому себѣ, непріятное чувство на душѣ, которое усилилось до послѣдней степени, когда принесли мнѣ умерщвленнаго цыпленка; одна половина была изжарена, вся черная, облитая противнымъ саломъ; другая, о ужасъ, плавала въ густой жидкости, отъ которой распространялся могильный запахъ. Объятый страхомъ, я хотѣлъ бѣжать и требовалъ лошадей; но злой Нѣмецъ съ насмѣшливымъ видомъ сказалъ мнѣ, что лошадей нѣтъ. Въ эту минуту онъ показался мнѣ злымъ духомъ Душета, который коварно издѣвается надо мной и мститъ за то, что напрасно горѣли его Московскія свѣчи. Уже утренняя заря слабо освѣщала эту сцену; я впалъ въ какое-то мертвое безчувствіе, и бросился на полуразвалившійся одръ. Тутъ безъ памяти пролежалъ я до поздняго утра. Лошади были запряжены, и меня повезли дальше.

До Тифлиса оставалось только 27 верстъ. На станціи Гартискаль Нѣмецъ также сказалъ мнѣ, что лошадей нѣтъ. Безнадежная скука овладѣла моимъ слабымъ духомъ, а брѣнное тѣло изнемогло отъ голода и томилось отъ палящаго и удушливаго зноя; *трубка отчаянія* дымилась въ засохшихъ устахъ; поникшая голова не мечтала уже ни о чемъ; отдаленныя картины Персіи не отражались болѣе въ потускнѣвшемъ зеркалѣ воображенія; живительный огонь надежды не пробѣгалъ въ жилахъ разслабленнаго тѣла. Наконецъ дали мнѣ лошадей въ два часа по полудни. И вотъ я уже вижу Тифлисъ вдалекѣ; но какой Тифлисъ? совсѣмъ не тотъ, который я воображалъ, о которомъ грезилъ такъ давно! Гдѣ же онъ?— Увы, я уже не увижу его никогда: по мѣрѣ, какъ я приближался къ настоящему Тифлису, ложный Тифлисъ, нарисованный моимъ воображеніемъ, изглаживался съ холста моей памяти; я отворотился отъ истины, и тщетно желалъ еще хотъ разъ взглянуть на давнюю мечту свою. Она исчезла, и надо сказать, что настоящій Тифлисъ не такъ хорошъ и великъ; сѣрыя и болѣе Европейскія его строенія печально стоятъ между голыхъ скалъ; не видно отрадной зелени и Азіатской

роскопной архитектуры, по крайней мѣрѣ съ того мѣста, гдѣ я уви-
дѣлъ Тифлисъ въ первый разъ; а мнѣ такъ хорошо снилось о густыхъ
садахъ и Азіатской нѣгѣ, смѣшанной съ горскою дикостью. Мечта не
сбылась. Я объ ней мало жалю; но печальная мысль томить меня, что
и всѣ прочія мечты также не сбудутся, — и мой Тегеранъ, и Тавризъ,
и вся моя Персія, померкнутъ скоро подъ злымъ дыханіемъ истины,
которая мгновенно разрушитъ дивный сонъ постылой жизни, сонъ пре-
красный, который я столько лѣтъ хранилъ и лелѣлъ въ больной душѣ.

ПЕРСІЯ.

21-го Сентября 1838 года, мы выѣхали изъ Тифлиса: Полковникъ
Дюгамель, супруга его, докторъ Кангеръ и я. Въ трехъ верстахъ отъ
города мы должны были остановиться, и принять приглашеніе завтра-
кать въ саду Полковника Шемиръ-Хана Бегларова, Армянина, служащаго
переводчикомъ при Главноуправляющемъ Грузіею. Въ Тифлисъ и его
окрестностяхъ сады покрыты виноградникомъ, подъ густыми сводами
котораго проведены аллеи, такъ что надъ головою всегда непроницаемая
тѣнь и виноградные грозды въ распоряженіи руки. Въ такомъ саду на-
крытъ былъ столъ съ Грузинскими кушаньями и Кахетинскимъ виномъ.
Погода была прекрасная. Послѣ завтрака мы предпочли продолжать
путь верхомъ; но всѣ экипажи наши покуда еще слѣдуютъ за нами,
потому что дорога хороша. * Далѣе, можетъ быть, надо будетъ поки-
нуть ихъ вовсе.

Въ первый день мы проѣхали только 25 верстъ, и ночевали въ
Русскомъ почтовомъ домѣ, въ Грузинской деревнѣ, коей прочіе дома
были подъ землею, среди пріятной долины, между зеленыхъ холмовъ,
надъ которыми бѣлѣлись вдали снѣговія вершины горъ. На первомъ

* Мы этимъ были обязаны Полковнику Эспехо, Испанцу въ нашей службѣ, кото-
рому поручено было провести шоссе отъ Тифлиса до Эривани, сквозь непроходимое
Дилиджанское ущелье. Онъ нѣсколько лѣтъ тамъ прожилъ, и наконецъ окончилъ
отличное шоссе, которое проходитъ по крутизнамъ скалъ надъ страшными пропастями.

планъ разбросанныя пещеры Грузинъ, болѣе похожія на убѣжища дикихъ звѣрей, подъ тѣнью развѣсистыхъ деревь, и нѣсколько черныхъ буйволъ на лугу, составляли довольно живописную картину.

24 Сентября 1838 г. Еще очень рано, солнце не всходило. Дюгамель и докторъ спали крѣпкимъ сномъ въ одной комнатѣ со мной, но я не могъ спать: мысль, что ѣду въ Персію, достигаю наконецъ своей цѣли, разбудила меня рано. Я боялся, не сонъ ли это? Чтобъ успокоить себя, я повторялъ себѣ, что это истина, истина, что столь давнишняя мечта наконецъ осуществляется. Трудно объяснить чувство, которое одушевляетъ меня по мѣрѣ, какъ я приближаюсь къ мѣстамъ столь знакомымъ моему воображенію, гдѣ мнѣ кажется, что я нѣкогда жилъ, къ мѣстамъ прекрасныхъ воспоминаній моего дѣтства. Я такъ ясно вижу вдали города многолюдные или печальные, безплодные степи или зеленые сады, и людей, принадлежащихъ будто къ чужому міру, но мнѣ столь знакомому. Разстояніе исчезаетъ день ото дня, и скоро эта картина моего воображенія будетъ передъ моими глазами, мечта о Персіи исчезнетъ вдругъ, какъ дивный сонъ, чтобъ дать мѣсто истинѣ.

Наше путешествіе походитъ на прогулку. Виды прекрасные, и часто напоминаютъ мнѣ дорогу между Флоренціею и Римомъ. Третьяго дня мы также проѣхали не болѣе 25 верстъ, и остановились, около трехъ часовъ по полудни, въ довольно хорошемъ домѣ, недавно выстроенномъ Русскими, въ полуверстѣ отъ Татарской деревни. Пока приготовляли обѣдъ, мы пошли прогуляться пѣшкомъ къ деревнѣ, гдѣ въ одной изъ саклей насъ вѣжливо приняли женщины и просили сѣсть, разостлавъ красный тюфякъ у огня. Разговоръ нашъ посредствомъ знаковъ и нѣсколькихъ Константинопольскихъ * Турецкихъ словъ былъ довольно затруднителенъ. Одной изъ Татарокъ, повидимому, было 18 лѣтъ, другой около 20. Одежда ихъ состояла изъ короткой рубашки въ Персидскомъ вкусѣ, широкихъ шараваръ и узкаго архалука, который ловко обрисовывалъ

* Языкъ Татаръ, обитающихъ здѣсь между Персіей и Грузіей, во многомъ отличается отъ Турецкаго Константинопольскаго.

валъ ихъ стройный станъ и тѣсно обтягивалъ плечи и руки, а на груди не сходилъ; ноги были босы; черные и густые волосы остѣняли ихъ томныя и прекрасныя лица, въ которыхъ выражалась дѣвственная скромность. Солнечный загаръ на ихъ нѣжномъ тѣлѣ и поблекшіе цвѣта изношеннаго платья доказывали бѣдность, но не могли отнять ихъ врожденной прелести. Уходя, мы имъ дали нѣсколько абазовъ (Грузинская монета, стоящая 8 гривенъ), которые они взяли какъ будто машинально, не подавъ никакого знака благодарности.

Послѣ обѣда мы опять пошли въ эту деревню съ докторомъ Капгеромъ, вооружившись палками противъ стай собакъ, похожихъ на волковъ, которыя охраняютъ Татарскія деревни. Уже было темно, когда мы вошли въ другую саклю, гдѣ лежала дѣвочка 6 лѣтъ, больная уже нѣсколько мѣсяцевъ; она, бѣдная, не могла ходить, у нея была сломана нога отъ паденія съ лошади. Старикъ дѣдъ ея снялъ бережно перевязку съ распухлой ножки; прекрасное дитя не плакало, но рассказывало что-то о своей болѣзни. Потомъ старикъ печально * вынулъ изъ кармана кусокъ кости, который вышелъ изъ ноги его внучки. Несчастная дѣвочка погибла бы безъ помощи, не смотря на живое участіе ея родныхъ. Докторъ разсказалъ, что было нужно дѣлать съ больной, одному изъ присутствующихъ, который говорилъ нѣсколько по-Русски и самъ былъ въ лихорадкѣ. Мать больной дѣвочки съ глубокимъ вниманіемъ слушала слова доктора, какъ будто понимала ихъ, и малютка также. Старикъ проводилъ насъ до дому съ фонаремъ. Ложась спать, я замѣтилъ, что потерялъ ключи отъ шкатулки съ деньгами, что и помѣшало мнѣ заснуть.

На другое утро, рано собравшись въ путь, я заѣхалъ въ деревню, въ надеждѣ отыскать ключи, и увидѣлъ, что меня манитъ старуха, у той самой сакли, гдѣ наканунѣ насъ принимали молодыя женщины. Это

* Эти Татары секты Сунни, т. е. одной вѣры съ Турками, которая запрещаетъ выражать чувства горести, и вообще велитъ скрывать всѣ страсти подъ личиною холоднаго равнодушія.

была, кажется, ихъ бабушка. Она держала въ рукѣ мои ключи и съ радостію вручила ихъ мнѣ, рассказывая, что вчера я обронилъ ихъ, вѣроятно, вынимая деньги изъ кармана. Мою лошадь привязали, и я опять сѣлъ къ огню на томъ же красномъ тюфякѣ. Одна изъ молодыхъ Татарокъ держала ребенка, другая разводила огонь; мужчины начали жарить *ишилыкъ* или *кебабъ* (куски баранины, нанизанные на палкѣ), чтобъ изъяснить мнѣ свое гостепріимство; но скоро я услышалъ колокольчики выючныхъ лошадей нашего посланника, крики его и моихъ кучеровъ, и голоса Армянъ, Татаръ, Русскихъ и Нѣмцевъ, составляющихъ нашу толпу. Весь караванъ былъ въ движеніи, и я, чтобъ не сбиться съ дороги, поспѣшилъ къ нему присоединиться, и проѣхалъ въ этотъ день 50 верстъ верхомъ, не чувствуя усталости.

На половинѣ дороги мы остановились въ пріятной Татарской деревнѣ Астанбеглы. Жилища Татаръ были весело разсыяны по зеленымъ холмамъ. Комната, приготовленная для насъ, была со всѣхъ сторонъ обтянута разноцвѣтными коврами; стѣны, полъ и потолокъ — все было ими обито. Свѣтъ входилъ только въ небольшое отверстіе въ потолокъ. Посреди комнаты на полу тлѣлись уголья. Темный и узкій проходъ велъ въ эту уединенную горницу изъ нашихъ сѣней, открытыхъ съ одной стороны на картинную мѣстность, гдѣ наши люди сутили съ багажами, разводили огни, приготовляли себѣ кушанье и кормили лошадей. Погода была прекрасная.

Оставя деревню Астанбеглы, мы стали подыматься выше. Природа одичала. Вмѣсто свѣжей зелени, бесплодные сѣрые бугры окружали насъ, и снѣговья горы къ намъ приблизились.

Давно уже смерклося, когда я пріѣхалъ въ Бибисъ, Армянскую деревню, расположенную въ самомъ романическомъ и дикомъ мѣстѣ. Всѣ мои товарищи еще далеко оставались назади. Со мной былъ только одинъ изъ провожавшихъ насъ Татаръ. Такъ какъ для посланника не приготовлена была квартира, то я взялъ на себя должность квартирмейстера, переселивъ нѣсколько буйволовъ и Армянокъ изъ одной избы въ другую.

Они съ поспѣшностію удалились, не принявъ даже моихъ извиненій: такой дикій и вовсе не привѣтливый народъ. Потомъ я занялся разведеніемъ огня, закупориваніемъ перебитыхъ оконъ войлоками, разстиланіемъ ковровъ, и тому подобными домашними работами. Это былъ домъ Армянскаго князя, который, кажется, не радъ былъ нашему посѣщенію; но что дѣлать, куда дѣться? Всѣ прочіе такъ называемые дома были подземныя пещеры, въ которыя даже страшно было заглянуть, и я долго блуждалъ въ темнотѣ, покуда не наткнулся на этотъ княжескій дворецъ, похожій на коровій хлѣвъ. Компанія наша по немногу собиралась, экипажи далеко отстали, но наконецъ пришли. Мы поужинали кое-какъ, и вотъ всѣ лежимъ уже на одрахъ отдохновенія, не взирая на угрожающую опасность отъ безчисленныхъ тканей паутины, распростертой между бревнами потолка, на которыя я также смотрѣлъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Объ этомъ даже было съ вечера предварительное совѣщаніе съ вѣрнымъ моимъ слугою Егоромъ: должно ли чистить потолокъ и стѣны или нѣтъ? Егоръ рѣшилъ, что не должно, потому что будетъ еще хуже, если растревожить давнихъ жильцовъ княжескаго замка. Я обмеръ отъ одной мысли, что они разбредутся по всему дому при первомъ прикосновеніи, и поспѣшно согласился съ благоразумнымъ мнѣніемъ Егора. Однакожъ, не смотря на эту мѣру предосторожности, во время ночи упала капля холодной жидкости мнѣ на руку; что жъ бы это такое было? неужели ядъ тарантула? не мудрено. Золотистый свѣтъ восходящаго солнца проникъ наконецъ къ намъ чрезъ два отверстія, называемыя окошками, и странное жилище представилось мнѣ огромнымъ гнѣздомъ паутины. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой Армянской залѣ было такое отсутствіе всякой архитектуры человѣческой, въ ветхихъ стѣнахъ столько трещинъ и странной кривизны, на закоптѣломъ потолкѣ такой лабиринтъ перекопанныхъ, темныхъ углубленій, паутины и щелей, и на всемъ вообще такой однообразный земляной цвѣтъ, что въ этой отвратительной избѣ невозможно узнать человѣческаго произведенія; она болѣе похожа на уродливое созданіе безсмысленныхъ гадинъ.

Вдругъ дверь растворилась,—вошли два молодые буйвола и дру- жески приблизились къ нашимъ постелямъ. Армянинъ, высокій, блѣдный

и худой, выгналъ ихъ и зажегъ яркій огонь въ каминѣ. Ему еще нѣтъ тридцати лѣтъ, а мрачность и равнодушіе выражаются въ его лицѣ, какъ будто онъ уже отжилъ вѣкъ. Эта отличительная черта не рѣдко встрѣчается въ Азіатцахъ и, можетъ быть, происходитъ отъ однообразной и лѣнливой жизни среди уединенныхъ пустынь, въ которыхъ они обитаютъ. Въ Азійи все уныло и печально.

Товарищи мои наконецъ проснулись, — мы собираемся въ путь. Пройхавъ 25 верстъ среди долинъ, похожихъ на Тироля, между снѣговыхъ горъ, мы остановились ночевать въ Армянской деревнѣ *Карвансарай*, гдѣ насъ принялъ Испанецъ Г. Эспехо, Полковникъ въ Русской службѣ, которому, какъ мы уже упомянули, поручено было устроить здѣсь шоссе. Этотъ веселый и пріятный Испанецъ живетъ здѣсь, какъ Армяне, въ подземельѣ — родъ погреба, безъ сомнѣнія, весьма удобнаго для сохраненія мертвыхъ тѣлъ, но для живыхъ не представляющаго никакихъ выгодъ, кромѣ сырости, темноты и недостатка въ воздухѣ. Можетъ быть, могильный холодъ, царствующій въ этихъ подвалахъ, удаляетъ нѣкотораго рода насѣкомыхъ, но за то сырость способствуетъ къ распложенію другихъ, напримѣръ, мокрицъ, и проч.

Г. Эспехо далъ намъ хорошій обѣдъ, какимъ я не пользовался отъ самой Москвы. Не смотря на любезность нашего хозяина, переговоры обо всемъ и выкуривъ по нѣскольку трубокъ, всѣ истощенія истощились къ 8 часамъ, и оставалось только ложиться спать. Я имѣлъ неосторожность послѣдовать общему примѣру и лечь въ этой подземной пещерѣ; но за то какъ горько было мое раскаяніе! Лишь только Францъ вышелъ отъ меня со свѣчкой, и—увы! съ моими сапогами, — какъ вдругъ безпокойство мною овладѣло, сырость меня проникла, дыханіе сперлось отъ недостатка воздуха, и сильная зубная боль схватила меня въ первый разъ съ самаго отъѣзда изъ Воронежа. Тутъ лежалъ Дюгамель и уже начиналъ засыпать, докторъ также; было бы не деликатно встать; да сверхъ того я былъ лишенъ сапоговъ, люди спали при экипажахъ; идти босикомъ, завернувшись въ одѣяло, подвергаться сырости горнаго тумана, было бы опасно; и я рѣшился лежать, какъ

живой мертвецъ въ гробу, и ожидать въ отчаянномъ положеніи, когда запоютъ пѣтухи и взойдетъ солнце. Пѣтухи запѣли, но солнца не видать, на дворъ былъ дождь, и я, выпивъ три чашки кофе съ буйволовымъ молокомъ, заснулъ въ карету.

Я не люблю здѣшнихъ Армянъ; Татары лучше. У Армянъ женщины, какъ отшельницы, собаки у нихъ злыя; женщинамъ у Армянъ дозволяется говорить только съ мужьями. Я слышалъ однако же, что послѣ первыхъ родинъ имъ дозволяется, въ необходимыхъ случаяхъ, разговаривать съ отцемъ и съ матерью, или по крайней мѣрѣ отвѣчать на ихъ вопросы; впрочемъ онѣ должны хранить вѣчное молчаніе, выражаться только знаками, или вовсе не выражать своихъ мыслей, а главное, избѣгать присутствія кого-либо, какъ отъ ревности мужчинъ, такъ и потому, что женщина у Армянъ считается твореніемъ непристойнымъ и нечистымъ; онѣ не должны сквернить мужчинъ своимъ присутствіемъ, и въ продолженіе всей своей молодости должны скрываться въ мрачныхъ подземельяхъ отъ взора мужчинъ. Вотъ до какой степени ревность преобладаетъ этимъ завистливымъ народомъ. Однѣ старыя безпрепятственно лазятъ изъ одной норы въ другую, какъ мертвецы, ползающіе около своихъ могилъ *. Здѣсь вообще мужчины имѣютъ мрачныя лица, а женщины печальныя и болѣзненныя; черты у Армянъ продолговатыя и лица вообще сжаты.

Ревность къ женщинамъ и скупость мнѣ показались главными чертами характера здѣшнихъ Армянъ. Эти двѣ страсти изображаются въ ихъ блѣдности, впалыхъ глазахъ и безпокойныхъ взглядахъ.

У Татаръ лица довольно широки, черты не велики, цвѣтъ лица свѣжій, хотя немного смуглый отъ солнца и чистаго воздуха, на кото-

Иногда, особливо въ сумерки, надо весьма осторожно ходить, чтобъ не провалиться въ ямы, служащія вмѣсто дверей этимъ землянкамъ.

ромъ они живутъ, кочуя лѣтомъ на горахъ. Армяне же, какъ зиму, такъ и лѣто, томятся въ тѣсныхъ и сырыхъ пещерахъ, и отъ того блѣдны и желты.

Мы ѣдемъ по прекрасной долинь, называемой Дилиджанское ущелье.

Я теперь воображаю себя на дорогѣ въ Римъ, между Терни и Нарни; все покрыто лѣсомъ; огромныя скалы меня окружаютъ, и формы ихъ и расположенія на всякомъ шагу измѣняются; горныя ключи шумятъ и падаютъ каскадами; безчисленныя стада овецъ, барановъ и желтыхъ длинноухихъ козъ пасутся на крутизнахъ; даже свиньи имѣютъ совсѣмъ особенный, благородный видъ: въ нихъ нельзя узнать того тяжелаго и нечистаго животнаго, похожаго на исполинскую крысу, которое такъ отвратительно у насъ въ Европѣ; здѣсь свиньи тонки, высоки, проворны и похожи на кабановъ. Путешественникъ невольно пораженъ мыслию, что приближается къ центру міра *, видя, что природа облагороживается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ Персіи: люди, звѣри, произрастенія и виды — все улучшается.

Караванъ кочевыхъ Татаръ спускается съ горъ, чтобъ занять свои зимнія квартиры въ долинахъ; женщины ѣдутъ на коровахъ, взнузданныхъ и осѣдланныхъ, какъ лошади; другія на лошадяхъ, навьюченныхъ пестрыми мышками. Одежда этихъ Татарокъ, составленная изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, красива издали.

Облака возлѣ насъ лежатъ на покатостяхъ горъ, — стало быть мы очень высоко. Собаки (полуволчьей породы), охраняющія стада, бросаются на насъ, но Татарскіе пастухи удерживаютъ ихъ клюками за шею. Какія высокія и густыя деревья! Подъ ними краснѣютъ кустарники кизила.

* Центромъ міра, *Кыблеи-Алемъ*, Персіане называютъ Персію и Шаха.

Я забываюсь иногда, — мнѣ кажется, что я или въ горахъ Кастелло-Маре, или около Кавы (близъ Неаполя). Но вдругъ, будто пробуждаясь, память говоритъ мнѣ, что это не Италія, что эта дорога сквозь ущелія и лѣса скоро приведетъ меня въ Персію. Дюгамель и докторъ также ѣдутъ въ Персію, но не туда, куда я: я буду жить въ особомъ мірѣ, гдѣ еще никто не бывалъ. Въ странѣ, для нихъ скучной и безплодной, я найду тайныя сокровища, хранящіяся въ ней только для меня одного; мнѣ одному они извѣстны, — никто не можетъ отгадать, гдѣ они, я одинъ могу ими пользоваться, но тайно, чтобъ чужой глазъ, чужое холодное дыханіе, не разрушили волшебныхъ замковъ воображенія. Мечты, составляющія нравственную жизнь, должно хранить въ душѣ глубоко; насмѣшки, презрѣніе или зависть людей убиваютъ ихъ, ароматъ души вылетаетъ, и она болѣзненно изсыкается.

Мы перегоняемъ караванъ верблюдовъ; видъ ихъ въ горахъ очень хорошъ. Вотъ, многочисленная толпа Татаръ и Армянъ, которые собраны здѣсь, чтобъ помогать нашему проѣзду чрезъ крутизны.

27-го Сентября, 1838 года, мы провели ночь въ Дилиджанѣ, дрянномъ мѣстечкѣ, едва замѣтномъ. Только нѣсколько кучъ навоза, да вылезающіе изъ норъ своихъ люди, одѣтые на Персидскую стать, и бродящія лошади хорошей породы, но исхудавшія отъ усталости, напоминаютъ путешественнику, что тутъ есть жилища подъ землей. Однако же домъ, въ которомъ мы ночевали, былъ не подземный. Онъ здѣсь единственный, похожъ на тѣ дома, которые разбросаны по дорогѣ изъ Неаполя въ Портичи, и я думаю, на Африканскія мазанки, — безобразный, бѣлый, съ плоской крышей или террасой; внутри каминъ, который топится безпрестанно.

Наша многочисленная свита Татаръ, Армянъ, Русскихъ, Нѣмцевъ и Чухонцевъ, зажгли огни около дома и расположились ужинать, курить, грѣться и отдыхать. Поутру рано, до солнечнаго восхода, я вышелъ изъ дому, чтобъ любоваться видами горъ. Караванъ верблюдовъ, который мы вчера объѣхали, поднялся уже въ путь и представлялъ романтическую картину на грунтѣ темнозеленой горы съ бѣлымъ верхомъ.

Я ѣду въ каретѣ; дорога идетъ въ гору подъ густою тѣнью высокихъ дубовъ и каштановыхъ деревьевъ. Въ трудныхъ мѣстахъ чело-вѣкъ сто оборванныхъ Татаръ и Армянъ съ крикомъ бросаются на наши экипажи, чтобъ помочь лошадямъ: и эта дикая толпа болѣе похожа на шайку разбойниковъ. Нашъ ночлегъ верстъ за 18 или 20 въ Чибухлы.

Таково здѣсь путешествіе; большая часть времени проходитъ даромъ. Прекраснѣйшія декораціи ежеминутно перемѣняются по сторонамъ дороги. Мы все поднимаемся въ гору, лѣса рѣдѣютъ, и вотъ уже совсѣмъ ихъ нѣтъ; на горахъ одна только зеленая трава, и мѣстами около дороги и во рвахъ лежитъ снѣгъ. Поднимаемся выше и выше, — горы становятся безплодны. Вдругъ открывается большое озеро передо мной (Г. Дюгамель и другіе уѣхали впередъ верхомъ, а мнѣ показалось холодно, и я остался одинъ въ каретѣ). Это озеро называется Севанъ. На немъ есть островъ, и на острову бѣдный Армянскій монастырь. Кругомъ озера возвышаются синія горы, которыхъ верхи покрыты снѣгомъ и скрываются въ небесахъ; за этими горами Персія. Но, кажется, мы пріѣхали уже на ночлегъ: я вижу нѣсколько кучъ навоза и сѣна, — это Чибухлы.

Здѣсь природа принимаетъ совершенно другой видъ. Долины разширяются, горы обнажены и сѣры, все мертво и пустынно, — вдругъ показывается Араратъ. Мы спускаемся, приближаемся къ нему и въѣзжаемъ въ печальный Эриванъ, сквозь ряды сѣрыхъ стѣнъ, сооруженныхъ изъ грязи, за которыми кое-гдѣ видны низкіе дома также изъ грязи, и полумертвые сады, гдѣ больныя ивы и сухіе тополи осыпаютъ бѣдные огороды, потопленные въ болотахъ. Мнѣ указали путь въ одинъ домикъ, довольно хорошо построенный въ Мавританскомъ вкусѣ и выбѣленный. Тутъ недавно жилъ какой-то ханъ. На дворѣ засоренный фонтанъ мутной воды былъ представителемъ Азіатской нѣги; ряды завялыхъ подсолнечниковъ вѣроятно имѣли то же назначеніе. Мы взошли по узкой каменной лѣстницѣ въ прекрасную комнатку, всю расписанную разноцвѣтными и золотыми цвѣтками; каминъ пріимой формы и огромное окошко, все изъ мелкихъ красныхъ, зеленыхъ, желтыхъ и синихъ стеклышекъ. Сопровождаемый чиновникомъ, я пробрался черезъ болоти-

стый дворъ въ гаремъ, гдѣ расположился въ сырой, темной, но уединенной комнатѣ. Принялся топить каминъ; задохся было отъ дыма, открылъ окошки и двери, простудился и всю ночь продосадовалъ.

На другой день нѣсколько разсѣлся повздкою въ Эчміадзинъ, древній монастырь, построенный въ 303 году послѣ Рождества Христова. Церковь въ полувизантійскомъ, полуготическомъ вкусѣ (сколько я могъ судить), съ чудными изваяніями. Патріархъ, старецъ благосклонный, велѣлъ меня подчивать козымъ сыромъ, буйволовымъ каймакомъ, бурдючнымъ виномъ и т. п. лакомствами. Возвратясь домой, я снова принялся за досаду на зубную боль; но комары и мускиты, забравшись въ мою сырую комнату, утѣшили меня, предзнаменуя сухую и теплую погоду, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекращеніе зубной боли, что и сбылось въ самомъ дѣлѣ. Но новая досада ожидала меня. При выѣздѣ изъ Эривани, на совершенно ровной Эриванской долигѣ, безсовѣстный колонистъ* опрокинулъ меня въ канаву; фонарь разбился въ дребезги, и карета моя какъ будто окривѣла на одинъ глазъ. Это уже было неисправимо, потому что въ Арменіи фонарей дѣлать не умѣютъ.

30-го Сентября. Комары кусаютъ жестоко, жара невыносимая; а со стороны Арарата (который верстахъ, я думаю, въ 20 отъ насъ), по временамъ вѣетъ ледяной вѣтерокъ.

2-го Октября. За нѣсколько верстъ отъ станцій жители выходили къ намъ на встрѣчу. Въ ихъ числѣ есть и Курды; мы видимъ ихъ бѣдныя палатки и оборванныхъ женщинъ; но мужчины на хорошихъ лошадяхъ и одѣты хорошо на старинный Турецкій манеръ.

* Мой извозчикъ, который нанялся изъ Тифлиса довести меня въ 20 дней до Тавриза на одной четверти за 200 цѣлковыхъ, — разстояніе около 600 верстъ. Дорога, устроенная Г. Эспехо, продолжается только отъ Тифлиса до Эривани, а тутъ начинается природная Азіатская дорога, по грудамъ камней, глубокимъ рвамъ и частымъ ручьямъ. Прибывъ, Богъ знаетъ какъ, въ Тавризъ съ каретой, я немедленно съ тѣми же лошадьми отправилъ ее обратно въ Тифлисъ, почитая несравненно лучшимъ средствомъ продолжать путешествіе верхомъ.

Сегодня въ числѣ выѣхавшихъ къ намъ на встрѣчу, были два Татарскихъ князя, столь похожіе другъ на друга, что мы сочли ихъ за близнецовъ; но они были братья только по обѣту дружбы—кунаки. Одежда ихъ была совершенно одинакова, изъ красной тафты, ростъ высокій и тончавы, черты правильныя, лица смуглыя, локоны волосъ черныя и большіе. Они представляли разнородныя битвы: то съ пиками, то съ джиридами, то съ ружьями. Всѣ эти оружія имъ подавали нукеры, ихъ служители. Курды и Татары, всего челоуѣкъ до 20, также принимали участіе въ этихъ боевыхъ играхъ, подвигаясь впередъ передъ нами, и развлекаая насъ во всю дорогу. Кромѣ того, выбѣгали къ намъ на встрѣчу изъ деревень плясуны, двое или трое гадкихъ мальчишекъ, одѣтыхъ по-женски, съ длинными волосами. Они прыгали около нашихъ каретъ; а оборванный музыкантъ визжалъ смычкомъ на баламаикѣ. Мы еще въ Россіи, но во всемъ, что мы видимъ, нельзя уже не узнать Азію. Повсюду нищета, дикость и грубость нравовъ.

НАХИЧЕВАНЬ.

Какая дикая природа! Въ какой страшной глуши заброшенъ этотъ Нахичеванъ! Не видавъ, нельзя себѣ вообразить странныхъ формъ и цвѣта горъ и долинъ, окружающихъ насъ. Самый городъ вовсе не понятенъ для Европейца. Кое-гдѣ видны стѣны изъ грязи, изъ-за этихъ стѣнъ выглядываютъ отвратительные старики, старухи въ лохмотьяхъ, или дѣти прекрасныя собой, но нечистыя, оборванныя,—и это называютъ здѣсь городомъ. Но загородный домъ Эхсанъ-хана, здѣшняго губернатора, довольно хорошъ. Мы у него, и мнѣ удалось занять прекрасную комнату, возлѣ хозяйскаго гарема; я даже не стараюсь узнать, гдѣ именно скрываются его гуріи. Здѣсь, въ Персіи, все, касающееся до женщинъ, такая глубокая тайна, что даже скучно и охота пропадаетъ ими заниматься.

Покойно и пріятно расположился я на коврахъ, и ѣмъ разведенную въ водѣ алюбухару (особенный родъ сливъ), или курю кальянь, попеременно. Но у меня еще есть третье занятіе: прекрасный лафитъ,

который я сейчасъ купилъ въ этой дикой степи, куда, кажется, и воронъ костей не заносилъ. Но какимъ же волшебнымъ стеченіемъ обстоятельствъ явился здѣсь этотъ, по крайней мѣрѣ для меня, нектаръ? Оставляя Тифлисъ, я жаловался одному Грузинскому купцу, что на тамошнемъ базарѣ нашелъ весьма малое количество лафита. Вообразите же, этотъ добрый человѣкъ отыскалъ этого вина и послалъ въ погоню за мной. Посреди пустыни это показалось мнѣ совершенно романическимъ приключеніемъ, волшебнымъ событіемъ. Въ Нахичеванѣ, гдѣ, я думаю, нѣтъ и простаго вина, для меня вдругъ явился лафитъ. Не даромъ же я мечталъ, что для меня въ Персіи хранятся сокровища. У меня есть и передняя, въ которой Францъ храпитъ не въ духъ, не знаю отъ чего, а Егоръ толчетъ кофе. Эти два цербера охраняютъ входъ въ вертепъ моего уединенія, а я пишу, рисую, курю кальянъ, ѣмъ алубухару, пью вино, и доволенъ судьбой.

Ужъ ночь, но въ этихъ очарованныхъ мѣстахъ невозможно спать. Моя комната вся расписана и раззолочена, самъ я на коврахъ спокойствія; женщины подлѣ меня, но куда запряталъ ихъ этотъ Эхсанъ-ханъ? Однако же пора спать, а спать нѣтъ охоты. Возможно ли здѣсь спать? Вышелъ въ садъ, въ одномъ ночномъ костюмѣ, но и тамъ, какъ въ Русской банѣ.

Завтра мы ѣдемъ на встрѣчу Персидскому михмандару,* и переступаемъ границу. Прощайте! Въ Тавризъ буду чрезъ 5 дней; потомъ отъ Тавриза до Тегерана до 700 верстъ.

26-го Октября, 1838. Мы благополучно избавились отъ Міанскихъ клоповъ. Вчера ночевали мы въ Міанѣ, и никто изъ нашей свиты не пострадалъ отъ нихъ. Правда, что осторожный михмандаръ нашъ располо-

* Уполномоченный отъ правительства доставлять все нужное путешественникамъ и провожать ихъ до назначеннаго мѣста. Провожавшій Полковника Дюгамеля, михмандаръ Яя-ханъ, былъ главнымъ конюшимъ и любимцемъ покойнаго Аббасъ-Мирзы, сына Фетъ-Али-Шаха.

жилъ насъ всѣхъ лагеремъ, въ такъ называемомъ загородномъ саду. И возможно ли назвать городомъ сборище убогихъ мазанокъ, населяемыхъ нищими, которыхъ заѣдаютъ клопы?

Проѣзжая сквозь грязныя улицы Міаны, мнѣ стало грустно: я никогда еще не видалъ такой страшной нищеты, невольно отклонялъ взоръ вдаль, но и тамъ ничего не видѣлъ, кромѣ мертвой степи, унылой и однообразной. Неужели вся Азія такова? Стало быть, я напрасно такъ страстно желалъ ее видѣть? Позднее сожалѣніе! Она умерла, и въ изсохшей муміи нельзя уже узнать красавицы, нѣкогда исполненной жизни и прелести. Низкія страсти людей погубили ее!

Вечеромъ странные звуки Азіатской музыки пробудили наше любопытство. Они раздавались со стороны палатки михмандара. Мы пошли туда съ докторомъ Капгеромъ. Яя-ханъ и сынъ его Фаррухъ-ханъ важно сидѣли въ праздничныхъ шалевыхъ халатахъ; предъ ними два мальчика, лѣтъ 15-ти, одѣтые въ женскія платья, съ длинными волосами, въ юбкахъ, съ кастаньетками въ рукахъ, то медленно изгибались, то прыгали, какъ бѣшеные. Эта вечерняя сцена была слабо освѣщена бумажными фонарями, привѣщенными къ деревьямъ, и двумя свѣчами, стоявшими на землѣ. Одна сторона палатки была открыта. Михмандаръ всталъ и просилъ насъ сѣсть. Танецъ, остановленный нашимъ приходомъ, снова начался. Сперва эти несчастные дѣти низко кланялись, потомъ съ видомъ вдохновенія начали медленно кружиться подъ протяжную и унылую музыку, то закидывая назадъ голову, съ распущенными волосами, то подымая руки къ верху, то нагибаясь къ землѣ, и звеня въ этомъ положеніи кастаньетками у земли, то поднося ихъ къ ушамъ, и какъ будто вслушиваясь въ ихъ звонъ. По временамъ они пѣли несладко и дико, и все это сопровождалось музыкой, то печальной и унылой, то раздирающей душу и буйной. Казалось, что плясуны старались изобразить что-то въ родѣ любви и страданій. Но вдругъ, послѣ этихъ выраженій нѣги, они начали прыгать, метаться, вопить, какъ будто ихъ рѣжутъ. Музыканты не отставали, пронзительно скрипѣли, били въ литавры, дули въ дудки. Наконецъ это изступленіе стало по немногу утихать, снова

начался медленный танецъ. Персіяне слушали и смотрѣли на все это съ глубокимъ вниманіемъ; нашъ михмандаръ, постоянно веселый и живой, казалось, погрузился въ глубокую думу.

Я не долго присутствовалъ при этой сценѣ, странной и отвратительной; простившись съ Яя-ханомъ, я пошелъ въ свою палатку, которую однакожъ не безъ труда отыскалъ въ темнотѣ, и легъ спать. Но музыка и пѣніе еще долго раздавались въ унылой Міанской степи.

Мы перешли черезъ Кафланку (цѣпь горъ, ограждающую Адербиджанъ).

Въ Иракъ (по-Персидски Арахъ) еще безплоднѣе и сущее. Первый нашъ ночлегъ въ этой провинціи былъ въ каравансераѣ. Сквозь широкія и темныя ворота насъ провели въ обширный дворъ полуразрушеннаго огромнаго строенія. Также по темной, витой лѣстницѣ, я взобрался на террасу. Тамъ у дверей, завѣшенныхъ пестрыми занавѣсками, стояли маленькія дѣвочки; ясно, что за дверьми стояли большія. Я бы могъ, какъ будто нечаянно, по невѣдѣнію, приподнять занавѣсъ, но нѣсколько собакъ оскалили уже на меня зубы; я сбѣжалъ внизъ и пошелъ смотрѣть квартиру, приготовленную для меня. Въ ней было нечисто, сыро и темно; нельзя было не упрекнуть михмандара, еще недавно получившаго отъ меня нѣсколько аршинъ сукна, и его помощника, которому за день подарилъ часы, чтобъ они охотнѣе мнѣ служили. Последний предложилъ мнѣ квартиру на той террасѣ, гдѣ не удалось мнѣ сдѣлать рекогносцировки. Хозяинъ каравансерая, старикъ суровый, подозрительный, воспротивился этому распоряженію, и возразилъ, что рядомъ съ этой квартирой живутъ женщины изъ пяти домовъ, очищенныхъ для помѣщенія свиты посланника, и что следовательно означенную квартиру могъ бы занять только посланникъ, потому что онъ женатъ. Однакоже на сопротивленіе старика не обратили вниманія, и начали переносить мои вещи, между тѣмъ какъ я, въ ожиданіи, расположился съ докторомъ Капгеромъ подъ открытымъ небомъ на коврѣ, грѣться на солнцѣ и курить сигары, съ бутылкою портера, которымъ

мы запаслись въ Тавризѣ. Наконецъ извѣстили меня, что все готово. Я пошелъ на верхъ, и былъ очень доволенъ моимъ помѣщеніемъ, гдѣ топился уже каминъ, и свѣжій воздухъ проникалъ сквозь окно съ рѣшеткой изъ глины, довольно оригинальной работы.

Послѣ обѣда, передъ вечеромъ, очень довольный собою, я взялся за кисть и перо, и не прежде, какъ въ полночь, позвалъ своего чело-
вѣка. Пока онъ приготовлялъ мнѣ что было нужно для ночлега, я взялъ свѣчу и подошелъ къ стѣнѣ, на которой замѣтилъ что-то въ родѣ налѣпленныхъ дынныхъ сѣмянъ. Мнѣ вообразилось сначала, что кто-нибудь ѣлъ дыни и для забавы бросалъ внутренность ихъ на стѣну. Странная забава, подумалъ я, приближаясь и не вѣря своимъ глазамъ: проклятыя сѣмена шевелились, медленно ползли.... волосы стали на мнѣ дыбомъ, лихорадочный ознобъ пробѣжалъ по всему тѣлу. Меня отбросило назадъ; испуганнымъ взоромъ окинулъ я комнату, всѣ стѣны покрыты были какъ будто подвижными обоями, составленными изъ насѣкомыхъ.... Какъ изступленный, я крикнулъ, перебудилъ людей, велѣлъ переносить постель и всѣ вещи, въ тотъ подземный гротъ или обширный погребъ, который прежде назначенъ былъ мнѣ на долю. Вообразите вой собакъ, злыхъ тѣлохранителей гарема, и ихъ остервененіе противу насъ, при ночной и внезапной передрагѣ. Въ темнотѣ я бѣжалъ по тѣламъ спящихъ на террасѣ людей, ни чему не внимая, соскочилъ въ нѣсколько прыжковъ съ лѣстницы, похожей на обрывъ пропасти, и въ ожиданіи переселенія, ходилъ тревожно въ халатѣ по двору и около каравансерай: часовые приняли меня за своего брата Персіянину, и слѣдовательно за вора, закричали по своему караулу, и намѣрены были меня схватить; но я успѣлъ уже вбѣжать въ свой погребъ. Тамъ старыя стѣны по крайней мѣрѣ были покрыты только щелями; въ нихъ могли водиться тараканы, но своды этой тюрьмы свѣтились отъ сырости, а сырость и холодъ для нихъ неблагопріятны. Не смотря на эту увѣренность, я однакожъ замѣтилъ небольшое число этихъ черныхъ гадовъ; но Абдулла, ферашъ мой, немедленно же ихъ уничтожилъ, — они пали подъ ударами башмаковъ его, — я легъ, и наконецъ заснулъ.

Поутру михмандаръ съ любопытствомъ пришелъ освѣдомиться, что во мною случилось ночью; а хозяинъ каравансерай съ важностію объявилъ мнѣ, что комната, въ которой я спалъ, была прекрасна, и что самъ Шахъ-Аббасъ ночевалъ въ ней не разъ.

Два слѣдующіе ночлега были въ деревняхъ очень бѣдныхъ; но въ мазанкахъ по крайней мѣрѣ не было насѣкомыхъ. Дома эти, построенные изъ глины, или просто изъ грязи, нѣсколько похожи на Малороссійскія избы. Въ нихъ сносно, — пожаловаться нельзя. Несчастные крестьяне, которые живутъ въ нихъ, весьма понятливы и услужливы. Не смотря на бѣдность этихъ деревень, михмандаръ успѣвалъ доставлять намъ все въ изобиліи, т. е. все то, чего можно ожидать въ деревнѣ: молоко, хлѣбъ, простоквашу, арбузы, дыни, безподобные гранаты, единственный виноградъ, лимоны и даже вино.

Въ разстояніи 3 агачей или 55 верстъ отъ Зенгана, ночлегъ мой былъ въ большой комнатѣ безъ оконъ, съ двумя скважинами въ потолокъ для освѣженія воздуха; но воздухъ не освѣжался, мнѣ было душно; я всталъ въ три съ половиною часа ночи, велѣлъ себѣ сдѣлать настой (шербетъ) изъ алюбухары и гранатнаго соку, выпилъ стаканъ, и только что показалась заря, отправился въ Зенганъ. Товарищи мои еще спали.

Погода нѣсколько измѣнилась, дуть сильный вѣтеръ, но не холодный. Здѣсь мѣстность также неимоверно бесплодна, какъ и на всемъ разстояніи отъ самаго озера Севанъ, гдѣ кончается Дилиджанское ущелье. Эриванъ, Нахичеванъ, Тавризъ (по тамошнему Тебризъ), Міана—посреди пустыни. По всемъ долинамъ и горамъ печальный цвѣтъ золы, какъ будто Божій гнѣвъ опустошилъ и превратилъ въ пепелъ всю эту страну. Напрасно взоръ путешественника, утомленный унылымъ однообразіемъ, стремится вдаль, и будетъ искать какого-нибудь предмета отраднаго для души: онъ не увидитъ ничего, кромѣ мертвенности и горь свинцоваго цвѣта.

Въ полдень я пріѣхалъ въ Зенганъ, съ моимъ ферашемъ (котораго мнѣ рекомендовали какъ большаго плута, но честнѣе его нельзя было найти въ Тавризѣ). По предположенію мнѣ надо было бы пріѣхать гораздо раньше; Туркменская моя лошадь почти во все время шла рысью.

Зенганъ небольшой городъ сѣраго цвѣта, какъ и прочіе, но довольно живой. Я проѣхалъ по базару, потомъ провели меня черезъ развалины дворцовъ, въ нѣсколько воротъ, которые постепенно суживались и становились ниже. Я слѣзъ съ лошади, чтобъ не разбить голову, и меня ввели въ садъ, наполненный людьми. Тутъ было нѣсколько строеній. Мнѣ указали лучшее изъ нихъ, одинъ изъ домовъ градоначальника, бывшій прежде жилищемъ Шаховъ. Взираясь по худой, узкой, витой и крутой лѣстницѣ, я вдругъ, какъ изъ-подъ земли, очутился въ чудномъ дворцѣ. Только калейдоскопъ можетъ подать мысль о волшебной прелести формъ и цвѣтовъ, столь внезапно ослѣпившихъ мой взоръ. Золото, хрусталь и все радужные цвѣта повсюду горѣли въ пространномъ лабиринтѣ сводовъ и галлерей. Я не сходилъ съ мѣста, какъ будто боясь разрушить очаровательный чертогъ моими нескромными шагами.

Легкость въ блестящей архитектурѣ этихъ палатъ такъ необычайна, что они показались мнѣ созданными не для людей, а для какихъ-нибудь духовъ, обитавшихъ въ Персіи, когда она была еще цвѣтуща и прекрасна, во времена Шехеразады. Я помѣщаюсь въ верхнемъ этажѣ осьмиугольной залы. Ряды тонкихъ зеркальных столбовъ поддерживаютъ осемь горницъ, на подобіе ложъ театра. Зеркальныя призмы въ стѣнахъ и потолкѣ ярко блестятъ въ чудномъ смѣшеніи по золотой живописи цвѣтовъ, какъ будто только что сорванныхъ, изображеній охоты, битвъ, пышности царской и нѣги любви. Всѣ полы устланы драгоценными коврами; радужные лучи солнца таинственно проникаютъ сквозь прозрачную мозаику изъ миллионовъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ. Мнѣ казалось, что всѣ стѣны чудно составлены изъ драгоценныхъ камней. Огонь сапфира, яхонта и изумруда горѣлъ въ мелкихъ узорахъ оконъ.

Я взглянулъ внизъ: тамъ обширный бассейнъ воды занималъ средину этого осьмиугольнаго зданія и билъ фонтанъ, а кругомъ были комнаты, гдѣ раздавалось журчаніе кальяна и говоръ лѣнивыхъ слугъ. Я осматриваю все, иду изъ одной горницы или ложи въ другую, — всѣ онѣ разнообразны и всѣ прекрасны; каждая отдѣлена отъ другой зеркальною дверью и парчевой занавѣсью. Подъ моими ногами ковры завалены фруктами и конфетами въ баснословномъ изобиліи.

Наконецъ я възсѣдаю, мнѣ приносятъ богатый кальянъ изъ золота. Гостепріимный хозяинъ, Гакемъ или губернаторъ Зенгана, приходитъ и садится противъ меня, не говоря ни слова, изъ вѣжливости и приличія, чтобъ не тревожить меня, и какъ будто не вынуждать говорить на языкъ, котораго я не знаю. Но на лицѣ его замѣтно заботливое безпокойство хозяина: довольно ли навалено конфетъ, довольно ли красивъ чертогъ его; тихо приказываетъ онъ, чтобъ скорѣе принесли кофе и чай, а особенно, чтобъ спѣшили подать *плофъ*, *челофъ*, *чурекъ*, *мурекъ* и проч. Премилый человекъ! Какъ изъяснить ему мою благодарность за такое радушное гостепріимство? Всѣ эти богатства хотя и не для меня были приготовлены, однакоже я также ими пользовался. Щедрость его меня уничтожила, я былъ безмолвенъ, у меня не доставало словъ выразить мою благодарность по-Татарски, а еще менѣе по-Персидски (Фарси).

Вскорѣ гостепріимный Гакемъ удалился изъ вѣжливости, усадивъ меня въ одной изъ прекрасныхъ горницъ. Бѣлую занавѣсь этой ложи задернули, но я поспѣшилъ снова отдернуть, чтобъ пользоваться видомъ прозрачнаго бассейна въ нижнемъ этажѣ и восточной роскошью прочихъ покоевъ, гдѣ, сквозь узоръ цвѣтныхъ оконъ, солнце играло въ зеркалахъ, сіяло въ позолотахъ и освѣщало чудную живопись: тамъ безконечные ряды принцевъ и придворныхъ окружали тщеславнаго Фетъ-Али-Шаха, сидящаго на тронѣ или скачущаго на бѣломъ конѣ; грозный Ага-Магометъ-Ханъ съ толпами хищниковъ побѣждалъ Русскихъ; а Рус-темъ поражалъ чудовищъ. Портреты знаменитѣйшихъ Шаховъ, казалось, устремили на меня свои суровые взоры. Вся Персія представлялась мнѣ

въ безконечной рѣкѣ временъ: во тѣмъ глубокой древности баснословный Зейзакъ пожиралъ народъ свой на скалахъ Демовенда. Благотворный Джемшидъ, блестящій какъ солнце, озарялъ Персію яркимъ свѣтомъ и распространялъ границы могучаго своего царства.... Потомъ снова все скрывалось какъ будто въ черныхъ тучахъ. Толпы варваровъ опустошали Персію.... Но не берусь описывать прошедшаго; передо мной, изъ туманнаго хаоса временъ возникаетъ современная Персія, опустошенная, сухая, сѣрая, голая, пространная земля, на которой кое-гдѣ еще разъѣзжаютъ верхами нѣсколько плутовъ, въ острыхъ шапкахъ, съ черными бородами, и кое-гдѣ видны жалкія строенія, во внутренности которыхъ осталось еще довольно Азіатской роскоши и вкуса.

Между прочими изображеніями на стѣнахъ, дѣвы-соблазнительницы танцуютъ или отдыхаютъ, и сладострастными тѣлодвиженіями и острыми или томными взглядами, какъ будто манятъ къ себѣ и раздражаютъ мой бранный составъ. Что можетъ сравниться съ разительною красотой Иранскихъ женщинъ? — Ловкій и тонкій станъ, густые волосы, черноогненные глаза, уста, горящія страстью, смуглый цвѣтъ тѣла. Но не для насъ цвѣтутъ эти гуріи: онѣ заточены въ гаремахъ, гдѣ истощаютъ свое искусство надъ пресыщенными уже чувствами; ревнивые старики и жадные евнухи томятъ ихъ безотрадно.

Мнѣ приносятъ богатый завтракъ, ставятъ посреди комнаты мангалъ (жаровню), огромную сальную свѣчу, кладутъ подлѣ меня кусокъ сквернаго мыла, изобильное количество двухъ красокъ, *гэнэ* и *рангъ*, для крашенія волосъ, бороды, рукъ и ногъ (безъ этихъ красокъ они думаютъ, что жить нельзя). Всѣ суетятся, но съ наружнымъ спокойствіемъ, и шепчутъ между собою. Я иду гулять на базаръ; четыре фераша провожаютъ меня и осыпаютъ палочными ударами или бьютъ камнями всѣхъ попадающихся мнѣ на встрѣчу. Я, разумѣется, воздерживаю ихъ усердіе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ одного нищаго мальчика, который осмѣлился протянуть руку для прошенія милостины, они закидали камнями и разшибли бѣдному голову. Ословъ и верблюдовъ колотили безпощадно, стариковъ толкали немилосердно, таскали за бороды и

били кулаками въ лицо. Вѣроятно, усердные фераши полагали, что я почту за обиду и за неоказанное должное вниманіе, если они не будутъ тиранить и осыпать ударами всѣхъ проходящихъ мимо. Но таковъ уже въ Персіи обычай: шествіе благороднаго чловѣка должно быть ознаменовано притѣсненіемъ и побоями; въ противномъ случаѣ (думаютъ они) что жъ бы доказывало, что идетъ чловѣкъ почетный, и что бы отличало джентельмена (по-Персидски *наджибъ-адама*) отъ обыкновеннаго простолюдина?

Невозможно исчислить всего изобилія различныхъ пилавовъ, соусовъ, жаркихъ, рыбъ, яичницъ, іогуртовъ или простокваши, каймаку, шербетовъ, конфектъ, компотовъ, фруктовъ, гранатъ, чудныхъ дынь, и проч. и проч., которые подавали къ обѣду. Необычайные подносы, безъ конца слѣдовавшіе одинъ за другимъ, вносили въ окно, потому что дверь для нихъ не довольно была широка. Пышные ковры загромождены вкусными плодами, блюда наставлены одно на другое горами; съ трудомъ нужно пробираться сквозь груды небесныхъ даровъ, которые Персидское гостепріимство наваливаетъ предъ тѣми счастливыми, которые пріѣзжаютъ сюда.

Уже ночь. Занавѣсъ разверзается предо мной, то есть, я отдергиваю ес, и вижу въ противоположномъ открытомъ покоѣ доктора Капгера, окруженнаго всею восточною пышностью и приготовляющагося, также какъ и я, лечь спать. Единственная сальная свѣча, горящая у него, производитъ таинственный и дивный эффектъ, отражаясь въ тысячъ зеркалахъ, сіяя въ позолотѣ стѣнъ, и неясно освѣщая чудныя картины потолка. Онъ съ своей стороны пользуется такимъ же зрѣлищемъ, глядя на меня. Но вотъ приходятъ съ предложеніемъ идти въ баню (*фаверь*), вообще рѣдко предлагаемую христіанамъ; но уже слишкомъ поздно; завтра надо рано вставать. Докторъ гаситъ свою свѣчу и хочетъ ужъ предаться сну на роскошныхъ Хорасанскихъ коврахъ, прислушиваясь къ журчанію бьющаго внизу фонтана, посреди нашего волшебнаго дворца, и къ стуку, который производитъ вѣтеръ, расшевеливая нетвердо соединенныя стеклышки нашихъ оконъ. Этотъ звонкій стукъ есть отличитель-

ная черта Персидскихъ покоевъ, и нѣсколько напоминаетъ звукъ кастаньетовъ. Я слѣдую примѣру доктора. Егоръ давно уже храпитъ; онъ съѣлъ полпуда жирныхъ конфетъ.

На другой день этотъ оазисъ роскоши и очарованія исчезъ для насъ. Мы уже въ деревнѣ (не помню названія, кажется Хурруль-дэре). Двѣ женщины принесли намъ винограду и гранатовъ (по-Персидски *наръ*). Я попробовалъ приподнять ихъ вуали, и былъ весьма тронутъ, когда онѣ приняли мое любопытство съ уничиженіемъ и покорностью. Чтобы вознаградить мою нескромность, я сунулъ имъ въ архалуки нѣсколько серебряныхъ монетъ, и онѣ изъявили свое довольствіе, пріятно улыбаясь и опустивъ глаза въ землю. Въ Персіи величайшее и почти единственное выраженіе благосклонности состоитъ въ томъ, чтобы давать деньги, и чѣмъ болѣе денегъ, тѣмъ болѣе и значеніе благосклонности. Подарить, на примѣръ, малостоящій подарокъ есть великое неуваженіе къ сану особы. Я стараюсь какъ можно болѣе раздавать дѣтямъ мелкаго серебра, въ увѣренности, что это мнѣ вознаградится впоследствии хорошимъ приемомъ, въ случаѣ вторичнаго посѣщенія Персіи. Кстати замѣтить, мнѣ показалось, что деревни отъ Зенгана пошли чаще и въ нихъ менѣе нищеты; въ деревенскомъ comfortѣ нѣтъ недостатка, хотя онъ и неотличный. Что касается до фруктовъ самыхъ прекрасныхъ, — они въ невѣроятномъ изобиліи; не смотря на то, Персіяне ихъ ѣдятъ страстно и съ жадностію; но мнѣ они успѣли уже надоесть: только что пріѣдемъ куда-нибудь на станцію, тотчасъ же заваливаютъ гранатами и дынями, а хотѣлось бы чего-нибудь сытнаго, и притомъ крѣпительнаго.

Здѣсь пропущены мною три дня пути. Сказать ли правду: скука и отчаяніе овладѣли мною, и меня ужъ везутъ, какъ мертвеца; я уже не смотрю ни на что. Мы ѣдемъ такъ долго, и не видимъ ничего хорошаго. Наконецъ доѣхали до Казбина, который славится въ Персіи; говорятъ даже, что онъ лучше Тегерана, что давно уже хотятъ въ него перевести столицу, что онъ похожъ на Гератъ, что онъ несравненно лучше Герата. И каково же слышать все это, въѣзжать въ этотъ славный городъ, и не видѣть ничего, кромѣ безобразія и пустоты.

Хромоантографъ Ф. Дрегера.

НАССЕРЪ - ЭДДИНЪ - МИРЗА - ВАЛИАТЪ

НЫНЪ

ШАХЪ ПЕРСИИ.

Казбинскій губернаторъ Беглербеги Тахмасъ-Кули-Ханъ, который только что вчера, говорятъ, вырвался изъ Тегерана отъ Шаха, куда его водили на веревкѣ съ связанными руками, за какую-то вину, выѣхалъ къ намъ на встрѣчу съ кальяномъ и съ толпой оборванныхъ мужиковъ. Сквозь обломки полинявшихъ стѣнъ и разнокалиберныхъ калитокъ и темныхъ переходовъ привелъ онъ насъ къ разрушенному дому, покинутому со временъ Надиръ-Шаха. Полковникъ Дюгамель велѣлъ разбить палатку, а я одинъ поселился въ пустомъ дворцѣ, расписанномъ изображеніями Персидскихъ богатырей и красавицъ, и большею частию составленномъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, перебитыхъ въ дребезги. Я побѣжалъ на базаръ; но ничего путнаго не встрѣтилъ; потомъ отправился въ баню Баграмъ-Мирзы * (самъ онъ былъ въ отсутствіи). Четыре банщика старца расположились дѣлать надо мной различные эксперименты, съ приговорами изъ Алкорана, и между прочимъ, выкрасили мои жалкіе усы, волосы, руки и ноги бурой краской, увѣряя, что это весьма красиво, полезно, и необходимо въ Персіи для порядочнаго чловѣка. Въ продолженіе всѣхъ этихъ церемоній, приговорокъ и притираній, неоднократно подавали кальянъ. Къ обѣду жена Баграмъ-Мирзы прислала намъ гигантское блюдо плову съ горькимъ масломъ. На другой день мы опять отправились кочевать по деревнямъ.

Довольно странно бы показалось всякому, кто бы могъ взглянуть, какъ мы отдыхаемъ, лежа на полу въ Персидской избѣ у камина съ кальянами, или тащимся шагомъ по пустынямъ съ толпой Персіянъ. Но вотъ, завтра, 6-го Ноября, мы въѣзжаемъ въ Тегеранъ. Всѣ опасности преодолены: въ чемъ же онъ состоятъ? — Во-первыхъ, путешественникъ въ Персіи долженъ весьма осторожно и со свѣчей вступать въ Персидскую избу; въ противномъ случаѣ онъ подвергается паденію въ яму и даже въ нѣсколько ямъ, которыя существуютъ во всякой деревенской комнатѣ: одна для храненія хлопчатой бумаги, другая для разведенія мангала, т. е. жаровни, третья для куръ, четвертая для ржи,

* Шахскаго намѣстника въ Казвинѣ.

или пшена. Всѣ эти пропасти прикрыты коврами, или глиняными крышками, которыя при первомъ давленіи разсыпаются. Во-вторыхъ, при затопкѣ камина, очень часто вся комната наполняется густымъ дымомъ. Эти два обстоятельства неминуемо угрожаютъ путешественнику въ Персіи. Но я приобрѣлъ уже такой навѣкъ отъ несчастнаго опыта проваливаться и коптѣть въ дыму, что даже въ темнотѣ ловко минуя прыжкомъ всѣ провалы; а во время растопки камина прогуливаюсь по двору.

Но мы уже въ послѣдней деревнѣ, и такой деревни еще не встрѣчали. Она въ горахъ; въ ней вездѣ протекаетъ и шумитъ чистѣйшая вода, вездѣ высокія густыя деревья, народу много. Г. Бларамбергъ, адъютантъ Графа Симонича, занялъ насъ пріятнымъ своимъ разговоромъ. Онъ присоединился къ намъ въ Казбинѣ, куда пріѣхалъ на встрѣчу Полковнику Дюгамелю. Необыкновенно какъ отрадно среди Азіи, вдругъ сѣхаться съ Европейцемъ, и особенно съ Европейцемъ во всей силѣ слова, любезнымъ, умнымъ, ученымъ и добрымъ, каковъ Г. Бларамбергъ. Какая разительная противоположность съ типомъ Азіатца! Мы не чувствуемъ той сладости въ пищѣ душевной, которою пользуемся въ Европѣ; но какъ жаждемъ ее въ степяхъ Азіи!

Что-то не спится. Въмѣсто пѣтуховъ, въ Персіи кричатъ по ночамъ муллы. Я этотъ народъ не люблю. Такъ какъ теперь еще весьма рано, и можно воспользоваться свободнымъ временемъ, то не худо записать все, что было отъ Зенгана до сихъ поръ.

Въ Султаніи, лѣтнемъ пребываніи покойнаго Фетъ-Али-Шаха, верстахъ въ полтора отсюда, мы дневали и ночевали въ разрушенномъ его дворцѣ. Въ комнатѣ моей не было ни окошекъ, ни дверей. Михмандару нашему было совѣстно, и онъ такъ хлопоталъ, что я рѣшился подарить ему свои золотые часы; онъ, кажется, этой вѣжливостію былъ очень доволенъ, — а сыну его Фаррухъ-Хану отдалъ послѣдній кусокъ коричневаго сукна. Въ одной комнатѣ Султанійскаго дворца, на стѣнахъ, написанъ почти въ ростъ Фетъ-Али-Шахъ на охотѣ, верхомъ на бѣлой лошади, мѣстами выкрашенной красной краской, то есть,

хвостъ, грива, ноги, грудь и животъ — вся нижняя половина лошади (мнѣ сказали, что это отличіе царя). Многія изъ дѣтей его также были тутъ изображены.

Близъ Султаніи стоитъ великолѣпная развалина мечети, построенной за 600 лѣтъ нѣкимъ Шахомъ Худавэнда, большею частью изъ голубаго и бѣлаго муравленаго кирпича. Осмотрѣвъ это огромное зданіе, мы продолжали путь свой. Въ одной деревнѣ, намъ показали гробницу какого-то Имама, что-то въ родъ Имамъ-Ризы, также изъ голубо-зеленаго кирпича; здѣсь мнѣ страхъ какъ было досадно на нашего михмандара: онъ отвелъ намъ всѣмъ для помѣщенія самыя скверныя деревенскія избы, гдѣ не было ни свѣта, ни воздуха, а самъ поселился въ хорошемъ домѣ у муллы, который приставленъ къ гробницѣ.

Нѣсколько дней послѣ, т. е. вчера, мы провели почти сутки среди остатковъ Сулейманіи, — дворецъ съ садомъ покойнаго Фетъ-Али-Шаха, гдѣ я также видѣлъ много портретовъ въ ростъ, написанныхъ на двухъ стѣнахъ большой пріемной залы, то есть, *диванъ-хана*; между прочимъ портретъ Шаха-Евнуха, Ага-Магометъ-Хана на тронѣ, въ присутствіи всего Двора. А съ противной стороны Фетъ-Али-Шахъ съ своими дѣтьми. Двѣ же другія противоположныя стѣны были сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Потолокъ былъ изъ зеркалъ, перемѣшанныхъ съ позолотой и живописью. Двѣ лѣстницы, ведущія въ эту залу, сдѣланы изъ зеленаго муравленаго кирпича. Баня, на другой сторонѣ двора, противъ этой залы, очень красива. Высокая башня стоитъ возлѣ залы *диванъ-хана*, съ которой можно обозрѣвать всю окрестность; но смотрѣть нечего: въ Персіи вездѣ и всегда одно и то же сѣрое однообразіе.

8—20-го Ноября 1838 года. Рано поутру мы выѣхали изъ Кента, той прекрасной деревни, о которой уже говорилъ я; она просто называется Кентъ, что значитъ деревня. Тегеранъ видѣлся въ туманной дали; какъ вдругъ толпа народа окружила насъ. Среди ея нѣсколько конюховъ съ трудомъ держали двухъ прекрасныхъ рыжихъ жеребцовъ, блестящихъ золотомъ, одѣтыхъ въ шали, съ хвостами и гривами, вы-

крашенными огненнымъ цвѣтомъ. Еще мы не успѣли спросить, что это значило, какъ уже меня за ноги и за руки стащили съ моей лошади, чтобъ посадить на одного изъ этихъ борзыхъ коней, а на другомъ посаженъ былъ Полковникъ Дюгамель. Тогда только объяснили, что Шахъ прислалъ намъ этихъ лошадей. Среди поздравленій и восклицаній: *мубарекъ!* которыя шумно повторяла толпа окружающихъ насъ Персіянъ, Арабскій жеребецъ несъ меня въ Тегеранъ (средоточіе міра), куда мы и въѣхали при громѣ барабановъ и звукѣ трубъ, между рядами Персидскихъ солдатъ. Лошади наши бросались во всѣ стороны и давили народъ.

ТЕГЕРАНЪ. 22-го ноября 1838 года.

Недавно еще я въ Тегеранъ, а признаюсь — уже тошно, хотѣлось бы уѣхать; но надо выдержать до весны, до половины Марта, по крайней мѣрѣ. Оно жестоко — правду сказать; но дороги портятся, начинаются дожди, и надо же извлечь какія-нибудь выгоды изъ того мѣста, куда уже одинъ разъ пріѣхалъ. Шахъ присылалъ мнѣ сказать, что онъ желаетъ, чтобы я сдѣлалъ эскизъ съ него, и что онъ дастъ мнѣ сеансъ. Это приглашеніе было мнѣ очень лестно, и я просилъ доложить Шаху, что готовъ исполнить его желаніе, по его назначенію, въ какой день и въ какой часъ ему угодно.

Между тѣмъ я не зналъ, что мнѣ дѣлать, какъ убить время; однообразіе было нестерпимо, и ктому же, я почти не имѣю квартиры, живу покуда въ посольствѣ, въ одной изъ комнатъ принадлежащихъ доктору посольства. Наконецъ пришли ко мнѣ сказать, что нашли для меня хорошую квартиру за семь тумановъ въ мѣсяцъ, но ее отдаютъ не иначе, какъ на шесть мѣсяцевъ и платить надо впередъ. Иду смотрѣть эту квартиру. Между тѣмъ Францъ, мой камердинеръ, уговариваетъ меня продолжать путь до Испагани; онъ говоритъ, что это все равно, что быть въ Россіи и не видать Москвы. Однакоже, когда я подумаю, что надо провести еще 15 дней въ дорогъ туда и потомъ 15 дней назадъ, — страшно.

Вчера вечеромъ , 23-го Ноября , я рѣшился на счетъ квартиры. Мнѣ ее отдали за 6 тумановъ въ мѣсяцъ и на 6 мѣсяцевъ — нечего дѣлать. Впрочемъ , въ Европѣ также же почти нельзя имѣть квартиру иначе , какъ на 6 мѣсяцевъ , а цѣны вообще гораздо значительнѣе. Нанимаю на полгода , хотя и не останусь болѣе 3 мѣсяцевъ. Комнаты хороши. Я также рѣшился отпустить Персіянину , котораго нанялъ въ Тавризъ за весьма недорогую цѣну , какъ здѣсь водится , то есть , за три Голландскихъ червонца въ мѣсяцъ. Эту цѣну однако же находили дорогою; обыкновенная цѣна два тумана въ мѣсяцъ; туманъ — золотая монета , почти то же , что нашъ червонецъ. Кромѣ этой посредственной платы , здѣсь въ обычаѣ давать слугамъ одежду , — при вступленіи ихъ въ должность , въ новый годъ и при отправленіи въ дорогу.

Чтобы понять , какимъ образомъ Персіяне могутъ довольствоваться двумя туманами въ мѣсяцъ , надо взять въ соображеніе , что они питаются почти однимъ табакомъ. Кромѣ кальяна , который въ Персіи столь же необходимъ , какъ у насъ въ нѣкоторомъ классѣ людей , самоваръ , простой народъ довольствуется однимъ хлѣбомъ съ хальвой — родъ патоки.

Хлѣбъ въ Персіи , какъ съ виду , такъ и добротою своею , похожъ на тотъ отличный сортъ бумаги , на которой у насъ въ Петербургѣ печатають театральныя афишки. Величина , толщина , цвѣтъ , духъ , и я думаю , даже вкусъ Тегеранскаго хлѣба разительно схожи съ нашими Петербургскими афишками. Смѣтливые люди завертываютъ въ него на дорогу сыръ , пилавъ , масло , и смѣло кладутъ въ карманъ; даже разные припасы , какъ на примѣръ ветчину и всякое жаркое , можно безъ опасенія такимъ же образомъ брать въ дорогу. Но что хлѣбъ , то есть чурекъ , здѣсь такъ плохъ , объ этомъ нечего жалѣть , ибо *пилавъ* , или лучше сказать *человъ* (вареный просто въ водѣ рисъ) отлично замѣняетъ его.

Что сказать мнѣ о красотѣ женщинъ Тегерана? До сихъ поръ я видѣлъ только жалкихъ тварей , которыя какъ тѣни скитаются здѣсь въ

темныхъ саванахъ. Покрывала, въ которыхъ онѣ бродятъ по улицамъ, почти не видя подъ собой дороги и подвергаясь толчкамъ посреди грубой Тегеранской толпы*, называются по-Персидски *чадрами*. Всѣ женскія премести ихъ точно также скрыты чадрами, какъ стѣной. Самая цвѣтушая дѣва въ чадрѣ представляется взору, какъ страшное привидѣніе, какъ тѣнь пошны, возставшей въ Робертѣ изъ могилы; и кромѣ того, въ Персіянкѣ подъ чадрой есть что-то похожее на сову; но подъ этимъ покровомъ кроется роскошный костюмъ, какой только можно себя вообразить, и красота, передъ которой меркнутъ свѣтила; но все это я догадываюсь, потому что не видалъ еще красавицъ-женщинъ въ Персіи. Относительно Фераша Абдула должно замѣтить, что онъ былъ чуждъ всѣхъ домашнихъ заботъ и ни чѣмъ не занимался, кромѣ приготовленія кальяна, до котораго самъ былъ страстный охотникъ.

Странно, какъ вообще всѣ Персіяне любятъ всѣми средствами разслаблять себя; въ Европѣ, напротивъ того, всѣ помѣшались на крѣпительныхъ средствахъ, и тѣмъ еще несравненно скорѣе разрушаютъ свой организмъ. Въ Персіи фрукты, кислое молоко, прохладительные шербеты, свѣжій и пріятно утомляющій дымъ кальяна, замѣняютъ ростбифъ, ветчину, портеръ, водку, вино и сигары, не говоря уже о перцѣ, горчицѣ, сельдяхъ и сырѣ. За то въ Европѣ несравненно болѣе гнилыхъ зубовъ, испорченныхъ желудковъ, истощенія и немоци, и вообще разнообразныхъ болѣзней. Персіяне же, не смотря на кальянъ, которымъ сушатъ грудь и отъ котораго вѣроятно худѣютъ, не смотря на многоженство, которымъ почти съ младенчества себя истощаютъ, все-таки здоровѣе большей части Европейцевъ, исключая, можетъ быть, Англичанъ, которые довольно хорошо себя сохраняютъ умѣренностію и наблюденіемъ діеты и моціона.

* На улицахъ Тегерана, а особливо подъ узкимъ, темнымъ и безконечнымъ сводомъ базара, толпу составляютъ верблюды, лошади, ослы, лошаки, Персіяне, Авганцы, Туркмены и Армяне.

Избавившись отъ одного фераша лгуна, надо однакоже искать другаго, но уже безъ кондицій; а то при Европейскихъ нашихъ привычкахъ — держаться за слово и ставить на своемъ, привелось бы всякій день мѣнять людей. Здѣсь вообще обманъ въ ходу; безъ него жить нельзя; здѣсь всѣ и всѣхъ обманываютъ. Персіане и не думаютъ затрогиваться обманомъ; имъ казалось бы даже странно видѣть человека, который все говоритъ правду, стоитъ на словѣ, и исполняетъ его. Персіане никакъ не могутъ понять, какимъ образомъ мы не пользуемся языкомъ: языкъ для того и созданъ, чтобъ скрывать свои мысли, говорятъ они, также какъ руки созданы для того, чтобъ брать. Шахскія приказанія, напримѣръ, никто и не думаетъ исполнять; каждый клянется только головой. И за это никто не въ претензіи, всѣ достигаютъ своихъ цѣлей какими-нибудь ухищреніями, или насиліемъ. Все, что говорится и слушается, ничего не значитъ, это всякій знаетъ, и всѣ стараются только проникать другъ друга. Разговоры въ Персіи ничто иное, какъ переливаніе изъ пустаго въ порожнее; не смотря на то, Персіане находятъ въ этомъ удовольствіе, имъ нравятся ласкательства и похвалы, которыя адресуются къ нимъ; имъ нравятся какія-нибудь ловкія выдумки, и они изощряютъ умъ на отвѣтахъ.

Кромѣ фераша, мнѣ нужно было нанять повара, и сверхъ того купить ковры, — потому что хозяинъ вынесъ изъ дому всѣ свои ковры, а безъ этой мебелировки надо сидѣть на голомъ полу. Здѣсь безъ ковровъ живутъ только одни нищіе, и то самые несчастные, у которыхъ нѣтъ даже камьяна; а «даже нѣтъ камьяна!» здѣсь означаетъ крайнюю нищету. Меня это удивляло. Я понимаю, что утонченный сластолюбецъ, въ дополненіе ко всей роскоши жизни, можетъ любить и камьянъ; но не понимаю, какъ простой народъ въ Персіи, поселяне, предпочитаютъ всему на свѣтѣ тянуть дымъ и находить въ этомъ какое-то своего рода упоеніе. Повсюду простой рабочій народъ любитъ всего болѣе сытную пищу, крѣпительные напитки и отдыхъ, — изящныхъ же наслажденій не понимаетъ. Но въ Персіи даже женщины страстныя охотницы курить, и курятъ съ младенчества.

Среди хлопотъ и заботъ моихъ о недостаткахъ, я нѣсколько утѣшенъ былъ по крайней мѣрѣ прекраснымъ здѣшнимъ климатомъ. Погода почти постоянно хороша, и я чувствую себя совершенно здоровымъ.

Мнѣ предлагали еще другую квартиру, которую я и ходилъ смотреть; хозяинъ ея, одинъ изъ безчисленныхъ внуковъ Фетъ-Али-Шаха, человекъ молодой, и нѣсколько кокетничаетъ, какъ женщина. Домъ его посреди прекраснаго сада, но комнаты такія уже развалины, что въ нихъ невозможно жить, и въ дополненіе, я былъ бы тамъ окруженъ множествомъ Персіянъ, и въ сосѣдствѣ съ гаремомъ его матери. Это значитъ, что всѣ мои движенія были бы предметомъ постоянного любопытства и толковъ.

24-го Ноября. Вчера пришли меня звать отъ Графа Симонича (который скоро отправляется въ Тифлисъ). Онъ былъ во дворцѣ, гдѣ только что простился съ Шахомъ, и послалъ за мной, чтобъ при этомъ случаѣ показать мнѣ царскія сокровища (*хазнэ*): тотъ извѣстный брилліантъ, который Шахъ въ торжественные дни носитъ на рукѣ, и который называется *блестящимъ моремъ*; его одежды унизанныя жемчугомъ; огромные куски изумруда и яхонта, и проч.; а также парадный мундиръ нынѣ царствующаго Магометъ-Шаха, въ родѣ казацкаго полукафтанья, синій, съ воротникомъ и обшлагами, вышитыми брилліантами, съ изумрудными пуговицами и эполетами, въ родѣ генеральскихъ, также изъ огромныхъ изумрудовъ съ привѣшенными къ нимъ нитками крупнаго жемчуга.

Мирза Масудъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, показывалъ намъ всю эту *большую казну*, подобную Московской древней Царской казнѣ.

При этомъ случаѣ, Графъ Симоничъ показалъ мнѣ саблю, которую Шахъ ему только что подарилъ. На ней было нѣсколько брилліантовъ и изумрудовъ. Сыну же его, 14 лѣтъ, пажу, который также прощался съ Шахомъ, Его Величество пожаловалъ маленькую звѣзду, довольно плохо сдѣланную, съ небольшимъ количествомъ камней. Не буду опи-

сывать всѣхъ сокровищъ шахскихъ : это было бы скучно ; но я еще не видалъ параднаго кальяна и короны, которыя, какъ мнѣ сказали, сохраняются въ гаремѣ ; а также и знаменитаго Трона-павлина (Тахты-Тоусъ), который, помнится, отнять Шахъ-Надиромъ у Великаго Могола, въ Дели.

Пересмотрѣвъ и свѣсивъ въ рукахъ всѣ огромные каменья, грубо обработанные, или въ натуральномъ видѣ, кое-какъ оправленные, которые передъ нами навалены были кучами изъ сундуковъ, я проводилъ Графа Симонича къ меньшому сыну Магометъ-Шаха (старшій въ Табризѣ), которому не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ. Онъ, бѣдный, что-то хвораетъ. Графъ Симоничъ шелъ къ нему съ прощальнымъ визитомъ.

На дворѣ, возлѣ комнатъ маленькаго Мирзы, стояла осѣдланная для него лошадь, для катанья по двору. Мы вошли и сѣли съ Графомъ въ пріемной горницѣ; но Мирза Масудъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, не сѣлся, равно какъ и еще два или три Персіянина, тутъ же находившіеся.

Маленькій Шахзадѣ сидѣлъ на полу, но сверхъ ковровъ подъ нимъ разостлана была кашемирская шаль, а за спиной у него были двѣ огромныя круглыя подушки изъ розовой кисеи. На черной его шапкѣ былъ прицѣпленъ алмазный знакъ отличія царской породы. Волосы у него длинные и крашеные темнорыжимъ цвѣтомъ, лице блѣдное, черты незначительныя, еще не сформировавшіяся. На немъ былъ родъ кацавейки изъ шали на мѣху (то есть шубейки). Онъ приложилъ правую руку къ шапкѣ. Графъ Симоничъ спросилъ его чрезъ переводчика о здоровьѣ, но онъ ничего не отвѣчалъ. Тогда Графъ Симоничъ спросилъ его, чѣмъ онъ занимается; онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Видя, что Шахзадѣ неразговорчивъ, мы попросили у него позволенія удалиться. Вдругъ онъ началъ довольно живо что-то говорить, прикладывая руку къ шапкѣ; потомъ спросилъ насъ, поѣдемъ ли мы верхомъ. Мы отвѣчали, что поѣдемъ. И я также поѣду, — сказалъ онъ. Мы удалились.

Когда по-Персидски спрашиваютъ о здоровьѣ, то говорятъ: *демаги шума чогасть есть?* Это обыкновенный вопросъ учтивости и привѣтствія, по точному словесному переводу, значить: *носъ вашъ толстъ ли?* — какъ будто средоточіе здоровья находится въ носу. Сколько однакоже я ни разспрашивалъ, но не могъ добиться, почему здѣсь такъ выражаются.

На дняхъ я ходилъ къ Гаджи-Мирзѣ-Агасси, первому министру Шаха. Надо сказать, что онъ страстный охотникъ до пушекъ; теперь подъ его надзоромъ льютъ нѣсколько пушекъ огромнаго размѣра, которыми, по его словамъ, если поможетъ Богъ, намѣренъ на будущій годъ взять Герать. Впрочемъ, онъ говоритъ, что и теперь бы ничего не было легче взять Герать, что это ничего бы не стоило, — чистые пустяки; да такъ — не хотѣли. (Шахъ и онъ только что на дняхъ возвратились изъ несчастной экспедиціи.) Гаджи-Мирза-Агасси хочетъ, чтобъ и похоронили его въ той самой ямѣ, гдѣ льютъ его огромныя пушки. Не смотря на этотъ воинственный духъ, онъ дервишъ секты Суфи. Говорятъ, что главное правило этой секты состоитъ въ томъ, что всякое дѣяніе позволено, какъ бы оно ни было сдѣлано, потому что всему можно найти оправданія. Я забылъ сказать, что когда я спросилъ его, толстъ ли у него носъ, къ удивленію моему, онъ сказалъ, что нѣтъ, что носъ у него высохъ и перегорѣлъ отъ грусти (чего я однакожъ не замѣтилъ), что однимъ словомъ, онъ уже старъ и хворъ.

Онъ Татарскаго происхожденія, родина его Эривань. Сперва онъ былъ, какъ ученый дервишъ, учителемъ Магометъ-Мирзы, нынѣ царствующаго Магометъ-Шаха. Говорятъ, что Его Величество имѣетъ къ нему неограниченную довѣренность, и что всѣ дѣла государства въ его рукахъ. Но общіе отзывы объ немъ не лестны; вѣроятно, онъ и стоитъ этого, если въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ сектѣ, которая поставляетъ за правило не имѣть правилъ. Онъ, повидимому, терпѣть не можетъ Англичанъ, или по крайней мѣрѣ считаетъ приличнымъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, всегда бранить ихъ при насъ самыми непристойными словами, безъ сомнѣнія, думая тѣмъ угодить Русскимъ. Я нѣсколько разъ имѣлъ удовольствіе быть у него, и всегда онъ заводилъ рѣчь объ Англича-

нахъ, совсѣмъ не кстати осыпалъ ихъ проклятіями, и повторялъ, что Персіане ихъ ни сколько не боятся, и что онъ считаетъ ихъ менѣе, нежели ни чѣмъ, что если однако они возьмутъ Персію, такъ что жъ? — онъ тогда поѣдетъ въ Россію, хотъ на примѣръ въ Кизляръ (онъ другихъ Русскихъ городовъ, сколько я могъ замѣтить, не знаетъ, кромѣ Тифлиса, Кизляра и Петербурга); Московъ-Падишахъ дастъ ему тамъ уголокъ, и вѣрно ужъ положить тысячь двѣнадцать рублей въ годъ (1,000 тумановъ); ему этого довольно, и онъ будетъ благословлять Государя. Въ этомъ родѣ онъ мелетъ безъ остановки пронзительнымъ, рѣзкимъ голосомъ, то вздымая брови, то сморщивъ носъ, то пожимая плечами и постукивая клюкой; слушая его, трудно воздержаться отъ смѣха. Иногда онъ заноситъ страшную дичь объ артиллеріи и о подвигахъ въ Гератъ, или пускается въ разсужденіе о географіи, рассказываетъ, что Персія состоитъ изъ семи царствъ, соединенныхъ подъ одинъ скипетръ, въ числѣ которыхъ считаетъ Арменію и Грузію; что теперь такая дружба между Ираномъ и Московіею или Россіею, что ужъ это составляетъ одно, и Шахи и Урусъ Падиша ни что иное, какъ родные братья; а онъ одинаково служить обоимъ, и преданъ всей душой, и готовъ положить голову за обоихъ Падишаховъ.

Въ комнату, которую я покуда занимаю въ домѣ посольства, есть клавикорды, совершенно испорченныя, принадлежавшія Г. Симоничу, и которыя онъ оставилъ нашему доктору Капгеру. Дезертиръ, Полякъ, поправляетъ ихъ, но мало надежды; однако можно извлекать изъ нихъ хотя нѣсколько звуковъ. Докторъ играетъ уже одинъ минорный вальсъ; не смотря на страшные диссонансы, знакомые звуки проникаютъ въ сердце и пробуждаютъ желаніе возвратиться въ Европу.

Во время вечера, 60 дезертировъ, собранныхъ здѣсь стараніемъ храбраго Капитана Альбранта, и которому поручено вывести ихъ изъ Персіи, собираются обыкновенно на крышѣ или террасѣ съ фонарями, и поютъ хоромъ Русскія пѣсни съ бубнами и рожкомъ. Добрый и отличный Капитанъ Альбрантъ взойдетъ къ нимъ, заговоритъ о Россіи, о возвратѣ на родину, прослезится вмѣстѣ съ ними, и я не могу не

плакать, прислушиваясь къ заунывному дружному хору родныхъ пѣсень, столь знакомыхъ душѣ. Меня томятъ мысли, что близкіе мои, можетъ быть, грустятъ, можетъ быть, нездоровы; мнѣ бы успокоивать, развлекать ихъ своимъ участіемъ; а я здѣсь вдали живу для одного разсѣянія самого себя.

На дняхъ, можетъ быть завтра, будетъ сюда консулъ въ Ряштѣ, Г. Ходзько, говорятъ, очень умный человѣкъ. Онъ ѣдетъ сюда по дѣламъ, для свиданія съ Полковникомъ Дюгамелемъ.

Я встрѣтилъ недавно на улицѣ ѣдущаго верхомъ Мирзу Абуль-Гассанъ-Хана, бывшаго въ 1816 году посломъ въ С.-Петербургъ. За нимъ шли пышкомъ два Негра и много Персіянъ. Эта встрѣча припомнила мнѣ самую давнюю старину. Мы остановились и обмѣняли нѣсколько комплиментовъ по-Англійски. Онъ мастеръ на комплименты: на дняхъ онъ сказалъ Шаху, что регулярная Персидская гвардія (похожая на толпу оборванныхъ нищихъ) несравненно превосходнѣе и красивѣе Русской гвардіи, и поклялся, что Лондонскій арсеналъ не можетъ сравниться съ Тегеранскимъ, гдѣ, между нами будь сказано, только три пушки и нѣсколько сломанныхъ ружьевъ.

Я описывалъ меньшаго сына Магометъ-Шаха, но о старшемъ, Валіатѣ, то есть наследникѣ престола, Насеръ-Эддинъ-Мирзѣ, кажется, еще не упоминалъ. Я представлялся ему въ Тавризѣ. Валіатъ сидѣлъ на Европейскихъ креслахъ, въ халатѣ слишкомъ длинномъ для него, изъ желтой шали, съ отличнымъ рисункомъ. На его шапкѣ блистало бриллиантовое перо, грудь его украшена была орденомъ Св. Андрея Первозваннаго на богатой бриллиантовой цѣпи, пожалованнымъ ему недавно, вмѣстѣ съ означеннымъ бриллиантовымъ перомъ, Государемъ Императоромъ, при встрѣчѣ въ Эривани съ Его Императорскимъ Величествомъ. Онъ гордо кивнулъ намъ головой и громко сказалъ по-Татарски: добро пожаловать! — Я былъ съ Полковникомъ Дюгамелемъ и переводчикомъ нашего Тавризскаго консульства Мирзой-Али-Экберанъ. Когда мы вошли, Его Высочество сидѣлъ къ намъ бокомъ на другомъ концѣ залы, у окна

огромнаго размѣра. При немъ стояло нѣсколько царедворцевъ. Противъ него сидѣлъ, также на креслахъ, его наставникъ, съ довольно невзрачною наружностію, однако же, говорятъ, ученый человѣкъ. Онъ, кажется, игралъ роль суфлера, тихонько подсказывая Валиату привѣты и отвѣты. По лѣвую сторону двери стоялъ маленькій сынъ Агалартъ-Хана, почетнаго Армянина, ровесникъ и пріятель Валиата, которому не болѣе 9 или 10 лѣтъ; впрочемъ въ Персіи не заботятся считать года. Наслѣдникъ довольно хорошъ собой, умная наружность и нѣжный цвѣтъ лица, хотя довольно смуглый, глаза большіе и черные, носъ орлиный, и вообще въ чертахъ его замѣтно болѣе Армянскаго, нежели Персидскаго или Татарскаго. Свѣтъ не ярко обрисовывалъ его, и мы сидѣли слишкомъ далеко, чтобъ удостовѣриться, были ли насурмлены его рѣсницы и брови, необыкновенно черныя. Онъ живетъ еще въ гаремѣ, гдѣ сестры и тетки, вѣроятно, раскрашиваютъ его на свой вкусъ. Длинные волосы его были красны, какъ огонь.

27-го Ноября. По порученію моего брата, я искалъ въ городѣ желѣзнаго щита. Коммиссіонеръ мой Персіанинъ, изъ служителей нашего посольства, сказалъ мнѣ, что ему извѣстенъ такой щитъ, но что трудно его достать. Прошло нѣсколько дней въ тщетныхъ поискахъ, и я уже терялъ надежду, какъ вдругъ въ одно утро приносятъ мнѣ прекрасный булатный щитъ съ золотыми надписями и узорами, превосходной работы, въ подарокъ отъ Шахзадѣ-Кейхабадъ-Мирзы (сына Фетъ-Али-Шаха), котораго я вовсе не зналъ. Подаривъ нѣсколько червонцевъ посланному ко мнѣ отъ царевича, я поспѣшилъ на другое утро идти благодарить Его Высочество за лестное вниманіе и прекрасный предупредительный его подарокъ. Шахзадѣ Кейхабадъ живетъ бѣдно въ отдаленной части Тегерана. Онъ ожидалъ меня, и потому приготовилъ различныхъ фруктовъ и конфектъ, которыя на большомъ подносѣ стояли посреди, можно сказать, убогой комнаты, гдѣ онъ сидѣлъ на стулѣ, въ мундирѣ и съ тростью въ рукѣ. Онъ громко привѣтствовалъ меня, всталъ, протянулъ руку, крѣпко сжалъ мою, и старался изъяснить радость, но, кажется, былъ нѣсколько смущенъ; потомъ приказалъ подать кальянъ, чай и кофе. У него благородное и важное лице, черты правильныя и

тонкія, глаза большіе и черныя, но на одномъ зрачкѣ бѣльмо, брови широкія и густыя, цвѣтъ блѣдный, борода необыкновенной красоты. Вообще онъ показался мнѣ удивительно похожъ на отца своего, Фетъ-Али-Шаха, судя по портретамъ. Единственнымъ украшеніемъ пустой горницы, въ которой меня посадили противъ Кейхабада, было нѣсколько фамильныхъ портретовъ, и между прочимъ его собственный, въ парадномъ платьѣ, украшенномъ драгоценными камнями, со щитомъ въ рукахъ. Мой переводчикъ объяснилъ мнѣ, что Шахзадэ былъ щитоносцемъ при покойномъ отцѣ, что подаренный мнѣ щитъ принадлежалъ Фетъ-Али-Шаху, и что этотъ самый щитъ изображенъ и на картинѣ въ рукахъ Кейхабада. Не смотря на убѣжденія переводчика, я не хотѣлъ соображаться съ общимъ обычаемъ Персіянъ оказывать презрѣніе къ полученному подарку, чтобъ доказать тѣмъ, что достоинъ былъ получить болѣе, и поддержать или возвысить мнѣніе о своей важности. Напротивъ того, хотя провожатый мой то мигалъ мнѣ, то со стыдомъ за меня опускалъ глаза и краснѣлъ, я расхвалилъ щитъ, какъ только могъ, сказалъ, что никогда не видалъ такого прекраснаго щита, что совѣщусь и не знаю какъ возблагодарить за такое вниманіе и удивительный подарокъ, что я тронутъ, и проч.; словомъ, я пустился въ такія тонкости изъясненій чувствъ благодарности, которыя врядъ ли въ состояніи былъ перевести смущенный переводчикъ мой Рагимъ, врядъ ли понималъ, а если и понималъ, то для моей же и своей чести не захотѣлъ бы переводить, и сверхъ того, врядъ ли нашелъ бы выраженій на Персидскомъ языкѣ. Рагимъ, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, благодарность мою считалъ постыдной; а Шахзадэ находилъ ее неприличной и принялъ меня за не-благовоспитаннаго — не знаю; но я хотѣлъ и по своему мнѣнію считалъ нужнымъ изъяснить мою благодарность, и прибавить, что считаю за честь быть у Шахзадэ, въ доказательство, что и въ Россіи умѣютъ чтить память Фетъ-Али Шаха, отца его, какъ славнаго государя, и уважать его благородныхъ и достойныхъ потомковъ. Я тѣмъ болѣе старался польстить ему, что онъ показался мнѣ жалкимъ. Я никогда еще не видалъ принца царской крови въ такомъ бѣдномъ положеніи. Эти Шахзадэ, несчастныя дѣти гордаго Фетъ-Али, какъ будто скрываются здѣсь; при малѣйшемъ подозрѣніи съ ними поступаютъ жестоко, а пер-

вый министръ Гаджи-Мирза-Агасси презираетъ ихъ и ведетъ себя передъ ними надменно. Кейхабадъ казался мнѣ неспокоенъ; онъ говорилъ громкимъ, но не твердымъ голосомъ, сценическими выраженіями, что подарокъ его суцая бездѣлица, что онъ извиняется, что такую малость прислалъ мнѣ, что у него еще много вещей, оставшихся послѣ отца, которыя онъ будетъ просить меня принять; что ему ихъ не нужно, что ему пріятно угодить мнѣ; но вмѣстѣ съ этими изъясненіями пріязни онъ пристально устремлялъ на меня смутный взоръ, и нѣсколько разъ повторилъ, что онъ теперь не въ такомъ положеніи, какъ при отцѣ, что прежде онъ жилъ въ полномъ довольствіи и уваженіи, а теперь въ совершенной бѣдности, что Шахъ ему не помогаетъ и не любитъ его.

Какъ понять эти жалобы? Возвратясь домой, я просилъ совета у товарищей, что мнѣ въ подобномъ случаѣ дѣлать. Оцѣнить щитъ и послать деньги Кейхабаду. — Я такъ и сдѣлалъ; велѣлъ привести съ базара двухъ оружейниковъ, изъ которыхъ одинъ оцѣнилъ щитъ въ 20, а другой въ 50 тумановъ. Запечатавъ въ пакетъ 40 червонцевъ, я послалъ моего камердинера Франца отнести ихъ къ Шахзадѣ; но посланный возвратился съ деньгами. Кейхабадъ, распечатавъ пакетъ, съ презрѣніемъ возвратилъ деньги, и сказалъ, что подарилъ щитъ изъ одного желанія подружиться со мной, что денегъ ему не надо; а что онъ открылъ пакетъ, въ одномъ предположеніи что въ немъ духи (*атръ*).

Но надо же было отдарить за такой дружескій подарокъ. На другой день я обошелъ весь Тегеранскій базаръ; но въ бѣдныхъ Армянскихъ лавкахъ ничего не нашелъ приличнаго для подарка, кромѣ золотыхъ часовъ и чайнаго сервиза, которые и послалъ немедленно. Но Шахзадѣ и это съ презрѣніемъ отправилъ назадъ, и безъ церемоній уже прислалъ своего *назира* или камердинера потребовать отъ меня триста червонцевъ, или взять щитъ назадъ. Разумѣется, что я удивился требованію и возвратилъ щитъ; однако же мой переводчикъ Рагимъ, чтобъ возбудить во мнѣ желаніе продолжать сношенія съ Кейхабадомъ, рассказалъ мнѣ, что у Шахзадѣ есть тѣмъ рѣдкостей, и между прочимъ, древняя булава, съ такимъ шаромъ на концѣ, что какъ ни руби его, хоть

пополамъ, онъ въ ту же минуту самъ собою сростается. Воображая, что я повѣрилъ этой сказкѣ, Рагимъ прибавилъ, что у Кейхабада есть и щитъ такого же рода; что этому щиту нѣтъ цѣны, и сдѣланъ онъ изъ черной кожи какого-то древняго звѣря, котораго уже не существуетъ на свѣтѣ. Подобныя басни о заколдованныхъ оружіяхъ не въ первый уже разъ слышалъ я отъ Персіянъ.

Я вполне устроился на новой своей квартирѣ, и доволенъ ею, хотя вѣтеръ ходитъ у меня въ комнатахъ почти такъ же свободно, какъ и на улицѣ; но лучше этого дома трудно найти въ Тегеранѣ. Персіане никогда не думаютъ укрываться отъ вольнаго воздуха, что конечно много способствуетъ къ сохраненію ихъ здоровья. У меня небольшой, но цѣлый двухъ-этажный домъ; въ немъ всего комнатъ съ пять, изъ коихъ одна только можетъ назваться комнатою въ Европейскомъ смыслѣ, т. е. съ окошками и каминомъ; кухня, двѣ террасы одна выше другой, съ которыхъ можно любоваться сѣрымъ видомъ Тегерана, свой мощный дворъ, обнесенный стѣной, а посреди двора небольшой четвероугольный прудъ. Одна изъ моихъ комнатъ довольно велика и красива, съ двумя рядами оконъ, изъ которыхъ верхнія изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, а нижнія съ одними только деревянными ставнями. Къ несчастію, каминъ въ ней фальшивый, хотя и весьма красивой формы. Бѣлая щекатурка и арабески вообще во всѣхъ Персидскихъ домахъ необыкновенно хороши.

Всѣми теперь описанными удобствами я имѣю удовольствіе владѣть, и могу, уходя со двора, все это запирать на ключъ, взявъ съ собою всю свою дворню, какъ это водится въ Персіи. Воровство въ домахъ здѣсь очень рѣдко, да и трудно попасть въ домъ, который укрѣпленъ какъ крѣпость, а чтобъ поддѣлать ключъ, отъ Персіянъ нельзя ожидать довольно смѣлости, искусства и ловкости, — это бываетъ въ Европѣ, а въ Азіи не бываетъ.

Я получилъ изъ С.-Петербурга литографіи нашей гвардіи и портретъ нашего Государя со свитой, который и отнесъ къ Шаху въ подарокъ. Онъ долго смотрѣлъ на портретъ, велѣлъ мнѣ подойти ближе,

разспросилъ про всѣ лица, сопровождающія Его Величество, приказалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ (который былъ тутъ же моимъ переводчикомъ), поставить подъ стекло картину, и потомъ спросилъ, что у меня въ портфель. Я отвѣчалъ, что въ немъ бѣлая бумага, но что я надѣюсь на ней представить *Центръ міра* (Шаха не называютъ иначе), если онъ сдѣлаетъ мнѣ милость, посидитъ нѣсколько минутъ неподвижно передо мной. Онъ сказалъ, что готовъ, сколько я хочу, и спросилъ, не желаю ли я сѣсть на стулъ; но я отклонилъ эту честь, сѣлъ на полъ, вынулъ изъ кармана карандашъ и началъ чертить, признаться, дрожащею рукой. Мнѣ очень совѣстно было беспокоить столь снисходительнаго и столь вѣжливаго владыку. Шахъ сидѣлъ также на полу; сверхъ мягкаго войлока подъ нимъ была богатая кашемирская шаль, и сидѣлъ очень смирно. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я имѣлъ счастіе уловить сходство Магометъ-Шаха, разумѣется, очеркомъ. Когда я всталъ съ своего мѣста и благодарилъ Его Величество, министръ иностранныхъ дѣлъ Мирза Масудъ положилъ передъ нимъ нѣсколько эскизовъ моего рисованья, какъ съ натуры, такъ и на память, и между прочимъ очерки Гаджи-Мирзы-Агасси, его любимца и перваго министра. Шахъ узналъ всѣхъ и похвалилъ мое искусство. Собравъ всѣ свои вещи, и не показывая послѣдняго моего рисунка, я сказалъ, что осмѣлюсь представить его только тогда, когда окончу дома. Добрый Шахъ, видя мое замѣщательство, изъявилъ готовность свою на столько сеансовъ, сколько я пожелаю; но я не имѣлъ намѣренія еще беспокоить его, а хотѣлъ съ эскиза (для меня столь драгоценнаго) сдѣлать по возможности оконченный портретъ.

Мы удалились съ Мирзой Масудомъ, кланяясь нѣсколько разъ и какъ можно менѣе оборачиваясь задомъ къ *Центру міра*.

Я забылъ сказать, что когда Шахъ смотрѣлъ на портретъ нашего Императора, я упомянулъ, что выписалъ изъ Россіи также рисунки нашей гвардіи, но не принесъ ихъ, зная, что Его Величество ихъ уже имѣетъ. «Я имѣлъ ихъ, сказалъ Шахъ, но отдалъ брату Кахраманъ-Мирзѣ.» Мирза Масудъ шепнулъ мнѣ, что надо ихъ представить Шаху. На другой же день я ихъ послалъ.

Выходя изъ царскаго покоя на дворъ, мы еще разъ повернулись, чтобъ отдать послѣдній поклонъ Шаху, который еще видѣнъ былъ въ огромное окно. Онъ въ то время разговаривалъ съ своимъ докторомъ Мирзою Баба, который во время моего визита стоялъ на другомъ концѣ залы въ углу, сложа руки; но когда я выходилъ, Шахъ сдѣлалъ ему знакъ приблизиться. Никто никогда не садится передъ Шахомъ, кромѣ иностранныхъ министровъ, присвоившихъ себѣ это право, какъ представители своихъ государей. Первая встрѣча послѣ счастливаго моего успѣха была съ Хозревъ-Ханомъ, евнухомъ. Онъ нашелъ эскизъ Шаха очень похожимъ, равно какъ и многіе другіе изъ придворныхъ, которые всѣ меня поздравляли. Съ радостію принималъ я ихъ поздравленія и былъ въ восхищеніи; но трудно будетъ сдѣлать что-нибудь интересное изъ этого эскиза, ибо наружность Магометъ-Шаха не живописна. Онъ толстъ, безъ выраженія, хотя очень любезенъ, учтивъ, пріятенъ и благороденъ въ обращеніи и манерахъ.

Кстати, дядя его Кейхабадъ-Мирза (теперь начинается другая исторія) на сихъ дняхъ явился вдругъ ко мнѣ. Я былъ въ постель. Послѣ страннаго его поступка со мной, я не хотѣлъ принять его, и велѣлъ сказать, что я въ постель и нездоровъ; но мнѣ воротились сказать, что онъ уже гуляетъ по двору и говоритъ, что непременно хочетъ меня видѣть, тѣмъ болѣе, что я нездоровъ. Нечего было дѣлать, я набросилъ халатъ и сошелъ къ нему съ видомъ какъ можно менѣе пріятливымъ. Я нашелъ его уже сидящаго въ моей холодной залѣ. Онъ пріѣтствовалъ меня громкимъ изъявленіемъ радости, дружескими жестами и беспокойствомъ на счетъ моего здоровья, и обративъ вниманіе на мой утренній костюмъ, сказалъ людямъ своимъ, стоящимъ, по обыкновенію, тутъ же въ комнатѣ: — мы старались одѣваться по-Европейски, а Европейцы принимаютъ нашъ старый костюмъ. — Гдѣ вы купили этотъ халатъ? — спросилъ онъ меня, съ видомъ знатока разсматривая ткань; — а щить, зачѣмъ же вы мнѣ возвратили его? — Вотъ этотъ человекъ, сказалъ я, указывая на его назира (управляющаго), который тутъ стоялъ, — приходилъ ко мнѣ взять его отъ вашего имени. Хланъ! закричалъ Кейхабадъ, т. е. ложь, и также указывая на улыбающагося

назира, еще повторилъ: онъ солгалъ вамъ, онъ лгунъ, какъ вы могли ему повѣрить?

Я попросилъ людей выйти, и сказалъ ему, что лучше оставить разговоры объ этомъ щить; не смотря на это, онъ продолжалъ: дайте мнѣ за него сто червонцевъ, и онъ вашъ. Но я не намѣренъ былъ давать болѣе 40 тумановъ. Кейхабадъ всталъ, продолжая уговаривать меня дать сто червонцевъ, и увидя въ углу горницы мою трость, попросилъ меня подарить ему ее, въ знакъ дружбы, что я съ охотой сдѣлалъ, и мы простились довольно дружески.

Я желалъ познакомиться ближе съ Персидскими женщинами. На дняхъ мнѣ доставили случай. Четыре женщины, закутанныя въ синія чадры, явились ко мнѣ въ гости, и разсѣлись на полу у камина. Изъ нихъ двѣ смѣло сбросили покрывала свои; одна была большаго роста, нѣсколько калмыковата, лѣтъ 20, а другая небольшая, лѣтъ 15, также очень смугла, но съ правильными чертами и съ пріятнымъ выраженіемъ. Густые и длинные черные локоны закрывали большую часть лица; исподняя одежда ихъ была коротка и вырѣзана такъ, что видна была изпещренная синими знаками грудь. Узкій и короткій архалукъ едва держался на плечахъ и стягивалъ ихъ назадъ (это мода въ Персіи, и довольно идетъ Персіянкамъ); на рукахъ, сверхъ узкихъ рукавовъ, браслеты съ свернутыми бумажками, на которыхъ начертаны были стихи изъ Корана. Шаравары шелковые, необыкновенной ширины, едва держались на бедрахъ, такъ что нижняя часть живота, также изпещренная, и нижняя часть спины, были голы. Босыя ноги окрашены были темно-оранжевой краской, сбивающейся на черную (онѣ сказали, что это также мода). Имъ принесли кальянъ, изъ котораго онѣ всѣ наперерывъ страстно тянули дымъ. Двѣ другія женщины продолжали сидѣть въ чадрахъ; но при появленіи кальяна также по немногу открылись. Одна была Арабка лѣтъ 30, а другая Персіянка, лѣтъ 40. Онѣ попеременно говорили то по-Персидски, то по-Турецки (здѣсь вообще говорятъ на обоихъ этихъ языкахъ). Я почти ничего не понималъ, и онѣ стали говорить громче, воображая, что отъ этого я лучше пойму. Онѣ старались высказать опа-

сность, которой подвергались при свиданіи съ христіанами, и дѣлали знаки, что имъ за это могутъ отрезать голову. Не смотря на это, угощенія мои вѣроятно понравились имъ.

Черезъ два дни, во время обѣда у посланника, мнѣ дали знать, что гости снова пришли ко мнѣ. Возвратясь домой, я засталъ у себя цѣлый гаремъ: Персіянки расхаживали по террасамъ съ кальянами, пѣли и хохотали при свѣтѣ ясной луны. Я изумился ихъ безопасности и боялся, что онѣ поднимутъ на ноги всѣхъ сосѣдей. Онѣ истребили всю мою помаду, вылили на себя всѣ мои духи.

Казалось бы, что это очень весело; но, не смотря на эти развлечения отъ скуки, меня тянетъ уже назадъ въ Россію.

Вотъ выпалъ первый снѣгъ. Всѣ заняты очищеніемъ террасъ. Съ моей террасы я снимаю виды Тегерана. Я воображалъ этотъ городъ печальнымъ, безлюднымъ и безмолвнымъ; но, напротивъ того, въ немъ довольно живости и шуму. Вчера Гаджи-Мирза-Агасси прислалъ мнѣ дичи въ родѣ рябчиковъ и маленькаго барана, которому надѣли ошейникъ, и онъ бѣгаетъ по двору, какъ собачка.

Моя лошадь, убранныя теперь по-Персидски, изъ лучшихъ въ Тегеранѣ. Все у меня есть, чего я желалъ, и все мнѣ удалось. Теперь остается воротиться въ Россію. Но я не покину Персіи, безъ желанія когда-нибудь увидѣть ее опять. Чтобъ быть здоровымъ, надо жить здѣсь. Воздухъ хорошъ, съѣстные припасы свѣжи, движеніе неизбежно: нѣтъ другаго способа переноситься съ одного мѣста на другое, какъ верхомъ, или пѣшкомъ. О зубной боли я забылъ въ Персіи. Я гораздо чаще бываю на воздухѣ, чѣмъ въ комнатѣ, и изъ одной комнаты въ другую не иначе могу переходить, какъ черезъ террасы, черезъ дворъ, или по лѣстницамъ; теплыхъ переходовъ и лѣстницъ въ Персіи нѣтъ. Изъ моей квартиры въ наше посольство сперва надо съ трудомъ пробираться по темнымъ улицамъ, иногда столь узкимъ, что не

болѣе двухъ человѣкъ могутъ идти рядомъ; потомъ выѣзжаешь въ базаръ, крытый, узкій и низкій, гдѣ толпится народъ, сквозь который трудно пробираться; потомъ вдругъ выѣзжаешь на Мейданъ, большую площадь, на которую выходятъ ворота шахскихъ палатъ. На этой площади постоянно бываютъ чауши; тутъ же стоятъ пушки и множество верховыхъ въ богатыхъ уборахъ лошадей, которыя тутъ обыкновенно дожидаются имѣющихъ приѣздъ ко Двору.

Съ этой площади въѣздъ въ улицу довольно широкую, между двухъ стѣнъ (какъ всегда въ Персіи), и тутъ уже не далеко до низкихъ воротъ нашего посольства. Я обыкновенно ѣзжу туда обѣдать. Мы обѣдаемъ поздно, въ 7 часовъ, куримъ, разговариваемъ до нельзя, и потомъ при лунномъ свѣтѣ или при свѣтѣ фонаря, верхомъ или пѣшкомъ, я возвращаюсь домой по тѣмъ же улицамъ; но въ это время улицы уже пусты, и мѣстами часовые останавливаютъ, спрашивая пароль, отворяютъ нѣсколько воротъ, чтобъ пропустить меня. Какая противоположность на базарѣ: онъ такъ многолюденъ и шуменъ поутру, а ночью такъ пустъ, мраченъ и безмолвенъ, что напоминаетъ катакомбы. Я всегда радъ, когда наконецъ выйду изъ этого безконечнаго лабиринта. Я называю базаръ лабиринтомъ только потому, что онъ узокъ и теменъ, но переходы въ немъ не запутаны.

18-го Декабря. Мои гости навѣщали меня нѣсколько уже разъ, и надоѣли мнѣ.

Холодъ продолжается, вода вездѣ замерзла, то есть, стоячая вода, а воздухъ пронзительно холоденъ. Но въ теплой шинели на солнцѣ хорошо.

Въ день Байрама, мы были у Шаха съ поздравленіемъ. Онъ сидѣлъ на полу, въ шелковомъ халатѣ, шитомъ золотомъ, Гератской работы, вѣроятно единственномъ трофее его неудачнаго похода. Принявъ весьма вѣжливо поздравленіе нашего посланника, Шахъ завелъ разговоръ о Европѣ, изъ котораго можно было замѣтить, что онъ довольно ученъ.

Мы скоро откланялись. Шахъ пошелъ въ тронную залу, которая выпадаетъ нѣсколько надъ главнымъ дворомъ. Передняя часть этой залы совсѣмъ открыта, такъ что она похожа на сцену театра. На дворѣ въ этотъ день стояли регулярныя войска, военная музыка, ханы, придворные сановники, принцы крови и Авганскіе аманаты. Насъ помѣстили въ комнату рядомъ съ тронною залой. Гдѣ Шахъ сидѣлъ на высокомъ тронѣ изъ бѣлаго мрамора, съ странными изваяніями и позолотой, и поддерживаемомъ каріатидами, представляющими злыхъ и добрыхъ духовъ древней Персидской міѳологіи. Зала расписана прекрасно, богато и съ большимъ вкусомъ, мелкими арабесками и изображеніями. Прекрасная архитектура и рисунки высокихъ сводовъ потолка, глубокихъ нишъ, составляютъ гармоническую общность въ своемъ совершенно особенномъ восточномъ вкусѣ, а огромное окно позади трона похоже на разноцвѣтную кружевную ткань.

Все стояло неподвижно и безмолвно; наконецъ Шахъ произнесъ нѣсколько невнятныхъ словъ къ нѣкоторымъ изъ придворныхъ, стоящихъ на дворѣ въ отдаленіи. Не сходя съ своего мѣста, громкимъ крикомъ отвѣчали они на его милостивыя привѣтствія. Поэтъ вышелъ изъ рядовъ народа на среднюю аллею, и произнесъ стихи во славу Магометъ-Шаха. Пріятно было слушать гармоническіе и странные звуки Персидскаго языка, но по временамъ они заглушались: съ одной башни не подалеку отъ двора, гдѣ происходилъ селямъ (торжественный пріемъ), раздавалась музыка особеннаго рода, которая, я думаю, ведется со временъ Зороастра. Она составлена была изъ волюнокъ и длинныхъ трубъ безъ мѣры и безъ опредѣленнаго звука: каждый изъ музыкантовъ игралъ на свой ладъ, что попало, стараясь только дуть или бить какъ можно громче, и останавливался только для собственнаго отдыха. Эта дикая музыка гремитъ ежедневно на томъ же мѣстѣ, при восходѣ солнца и при закатѣ. По случаю же празднованія Байрама, она не умолкала въ продолженіе всего дня. Трудно понять, какимъ образомъ Шахъ, который во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на образованнаго человека, не приходитъ въ изступленіе отъ этой напасти. Мнѣ стало досадно за него:

безжалостные музыканты какъ будто на зло ему дуютъ, мѣшаютъ говорить и слушать поэта.

21-го Декабря. Холодъ продолжается, и я принужденъ, не смотря на яркое солнце, топить цѣлый день каминъ. Мы ожидаемъ почты нынче или завтра. Дай Богъ, чтобъ ко мнѣ были письма. Я сейчасъ ѣздивъ верхомъ за городъ и видѣлъ Шаха верхомъ съ огромною толпою всадниковъ. Между ними я нашелъ знакомыхъ и вмѣшался въ свиту. Шахъ остановился и смотрѣлъ на скачку.

28-го Декабря. Уже давно я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Россіи; день ото дня становится мнѣ тягостнѣе жить такъ далеко отъ своихъ, и я рѣшаюсь на сборы къ обратному пути, хотя теперь самое дурное время года для путешествія въ Персію; даже въ самомъ Тегеранѣ, и верхомъ и пѣшкомъ, трудно прокладывать себѣ путь чрезъ глыбы снѣга, которыя завалены улицы. Сегодня вечеромъ, когда я возвращался въ городъ изъ Тегеранской цитадели (по-Персидски *аркъ*), гдѣ живетъ Г. Дюгамель, часовой (по-Персидски *караулъ*) ударилъ прикладомъ провожавшаго меня моего слугу Армянина, и едва не задѣлъ меня самого. Въ слѣдствіе этого комендантъ цитадели не получить отъ меня ни чаю, ни сахару къ новому году.

3—15-го Января 1859 г. Я перемогъ себя и рѣшился остаться недѣль на пять; по истеченіи этого времени непременно отправлюсь. А между тѣмъ настанетъ весна, и дороги, надѣюсь, будутъ не много лучше.

10—22-го Января 1859. Слава Богу, наконецъ вчера утромъ я получилъ письмо изъ дому; теперь я спокойно могу ожидать весны. Жизнь моя все такъ же утомительно однообразна. Сегодня былъ я въ банѣ и выкрасилъ себѣ волосы красной краской, по совѣту доктора нашей миссіи, который полагаетъ, что краска эта (*хэна*) сохраняетъ и укрѣпляетъ волосы. Персіяне говорятъ, что и черная краска (*ренгъ*) имѣетъ тѣ же свойства, почему я и пригласилъ одну женщину, по имени Ситарэ, чтобъ вычернила мнѣ голову. По сообщеннымъ ею свѣ-

дѣніямъ, эти двѣ краски, ренгъ и хэна, имѣютъ множество достоинствъ; а именно: укрѣплять, отрощать, густить, смягчить волоса, вытягивать жаръ, унимать головную боль, и наконецъ освѣжать ее; сверхъ того могутъ употребляться какъ лекарство отъ ревматизма. Здѣсь всѣ безъ исключенія употребляютъ эти краски, женщины и мужчины, старые и малые, бѣлокурые, сѣдые, черные и рыжіе — всѣ красятъ волосы.

Только сейчасъ съ базара, гдѣ открылъ Авганскую лавку, въ которой вышиваютъ шали золотомъ и серебромъ съ большимъ вкусомъ. Халатъ изъ хорошей кашемирской шали, вышитый такимъ образомъ, стоить около тысячи рублей (тумановъ сто.)

День прошелъ; но изъ десяти человѣкъ, обѣщавшихъ мнѣ разныя вещи, ни одинъ не сдержалъ слова. Это вещь обыкновенная въ Персіи, и составляетъ главную причину, по которой эта сторона такъ ненавистна. Быть всякій день по нѣскольку разъ обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ, несносно. Старуха обманула меня насчетъ Абиссинки, старикъ купецъ Казимъ, коммиссіонеръ мой, также не исполнилъ порученія, а пришелъ только сказать, что *носъ его перегорѣлъ отъ горя* (обыкновенная Персидская фраза), отъ того, что я назвалъ его вчера лгуномъ. Во всѣхъ лавкахъ, гдѣ должны были сегодня быть готовы для меня разные заказы, мнѣ сказали, что будутъ готовы завтра. Не достаточно ли причинъ, чтобъ спѣшить отсюда уѣхать? Персіяне народъ такой лживый, долговязый и обманчивый, что я опасаюсь, не сдѣлаютъ ли они мнѣ какихъ-нибудь вовсе неожиданныхъ затрудненій при моемъ отъѣздѣ. Равнодушіе и безпечность людей моихъ также меня сердитъ; ихъ ни сколько не удивляютъ неисправности, которыя я терплю ежедневно. Они прехладнокровно докладываютъ, что такое-то дѣло, на которое я имѣлъ причину твердо надѣяться, не состоится; они удивляются, что я выхожу изъ себя отъ лжи и обмана. Это у нихъ вещь обычная, и если Персіянину случится невзначай сдержать слово, то онъ претендуетъ уже на награду, и менѣе червонца не давай. Я все записываю, что приходитъ въ голову, чтобы по возвращеніи въ Россію ни слова не говорить о Персіи, какъ будто она не существуетъ; Персія не стоитъ того, чтобъ объ ней говорить.

Сегодня вечеромъ мнѣ нечего дѣлать, кромѣ какъ сидѣть дома; я и сижу въ моей маленькой комнатѣ у камина, но скучно въ ней одному. Обыкновенный дневной шумъ на улицѣ по немногу утихаетъ, и время моего обѣда или ужина приближается. Но я сегодня не такъ здоровъ, потому что мало ходилъ; улицы въ такомъ состояніи, что ходить нельзя.

Персія опошлѣла въ моихъ глазахъ уже тѣмъ, что Тегеранъ и окружающія его пустыни, и отдаленныя горы, все, что видно, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль было покрыто глубокимъ снѣгомъ; холодъ былъ несносенъ. Дворъ мой на три аршина былъ погребенъ въ снѣгу. Настала оттепель, начало весны, улицы затоплены грязной водой. Въ моемъ узкомъ переулкѣ, куда рѣдко заглядываетъ солнце, снѣжныя глыбы еще не растаяли, и долго не растаютъ.

Я велѣлъ Францу собраться въ дорогу. Мнѣ необходимы будутъ по крайней мѣрѣ 8 выючныхъ лошадей для поклажи и четыре для моихъ людей: Егора, Степана, Багара и Мурата. Для Франца и для меня есть двѣ собственныя мои лошади. Изъ трехъ вышепоименованныхъ служителей моихъ Армянъ — Степана, Багара и Мурата, первый *феришъ*, т. е. тотъ, который подаетъ кальянъ, провожаетъ на улицѣ и при визитахъ, и исполняетъ комиссіи; второй *мехтеръ*, т. е. конюхъ, а третій поваръ.

Отпраздновавъ здѣсь мой 55-й годъ отъ роду, я отправлюсь, и добуду въ 20 дней до Тавриза; въ Тавризѣ пробуду 15 дней; изъ Тавриза въ Тифлисъ еще 20 дней пути, — что жъ это составитъ? около двухъ мѣсяцевъ — Февраль и Мартъ. Въ началѣ Апрѣля я буду въ Тифлисъ, гдѣ останусь, я думаю, 8 дней. Дай Богъ, чтобъ дорога по Кавказу была тогда проходима; я въ состояніи оставить карету и сѣсть въ какой-нибудь тарантасъ или въ пошевни. Въ Тифлисъ сейчасъ же примусь за отправленіе большей части моихъ вещей и оружій, купленныхъ для моего брата, съ какой-нибудь вѣрной окказіей. Я уже говорилъ объ этомъ, и еще буду говорить съ Тифлисскими

купцами, и надѣюсь, что они мнѣ это устроятъ хорошо. Потомъ поѣду какъ можно скорѣе въ Петербургъ, остановлюсь только въ Воронежѣ слушать органъ. Это страшное разочарованіе насчетъ Персіи конечно будетъ послѣдній ударъ для моего уже больного воображенія, ибо я чувствую всякій день, что способности мои слабѣютъ очевидно, и въ весьма скоромъ времени я совсѣмъ впаду въ прозу, и въ прозу, вовсе лишенную занимательности. Что дѣлать? Рано или поздно, нельзя не попасть въ это безцвѣтное положеніе, нельзя быть вѣчнымъ. Сегодня я довольно расположенъ видѣть вещи не съ худой стороны, потому что, по мѣрѣ, какъ пишу къ своимъ близкимъ, я успокоиваюсь насчетъ разочарованій и горестей жизни, развлекаюсь, воображаю, что разговариваю съ тѣми, кого люблю, и не думаю, что тѣ, къ кому я заочно обращаюсь съ рѣчью, можетъ быть, уже не существуютъ.

23-го Января. Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ пріятныя извѣстія изъ Россіи, я помирился съ Персіею, и если бы могъ каждыя двѣ недѣли имѣть письма изъ дому и довольно денегъ, я бы въ состояніи былъ остаться здѣсь еще мѣсяцъ или два, и болѣе, даже съѣздить въ Испаганъ и Ширазъ. Въ этомъ краю падшемъ (по-Персидски *харабъ*), то есть, во всѣхъ отношеніяхъ пришедшемъ въ упадокъ, надо много времени, чтобъ найти источники занятій и развлеченій. Теперь только Персіане начинаютъ понимать меня и вѣрить моимъ словамъ. Недавно Шахъ прислалъ мнѣ сказать черезъ своего доктора, говорящаго по-Англійски, что онъ желаетъ дать мнѣ еще сеансъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ послать ему оконченный портретъ красками. Черезъ два дня докторъ снова пріѣхалъ ко мнѣ, а съ нимъ сынъ министра иностранныхъ дѣлъ, Мирза Али. Докторъ сказалъ мнѣ, что Его Величество желаетъ, чтобъ я нарисовалъ портретъ четырехлѣтняго его сына, но не спѣша, хорошенько, и въ величину, назначенную самимъ Шахомъ на бумажкѣ.

Слѣдующій день былъ назначенъ для начала. Мирза Али, сынъ Мирзы Масуда, говорящій по-Французски, сказалъ мнѣ при этомъ, что Его Величество нашелъ, что портретъ его не похожъ, и назначаетъ мнѣ

сеансъ послѣ завтра, чтобъ начать другой, но также не спѣша и кра-сками. Разумѣется, я былъ и радъ, и встревоженъ, и озабоченъ этими двумя посланіями.

На другой день рано я поѣхалъ къ Мирзѣ Баба, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ идти къ маленькому Аббасъ-Мирзѣ Наибъ-Султану. При входѣ во дворъ добраго медика (давно уже мнѣ знакомаго), моихъ людей остано-вили, что мнѣ показалось странно и непріятно. Меня впустили одного. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ доктора посреди двора, окруженнаго своими женщинами, въ неглиже, безъ чадръ, и ни сколько не смущенныхъ моимъ приходомъ! Добрый Баба подалъ мнѣ руку, какъ будто ни въ чемъ не бывало; а женщины, между которыми инья были очень молоды и хороши собой, разошлись медленно въ разныя стороны, и стали въ дверяхъ, показывая видъ, для одного приличія, что онѣ скрываются, но видѣть и быть видными. Я не могъ воздержаться, чтобъ не благодарить доктора за доставленный мнѣ случай видѣть Персидскихъ дамъ. Но онъ какъ будто не понялъ меня, и изви-нялся, что онѣ по обычаю скрылись. Никого не было на дворѣ, кромѣ этихъ женщинъ, нѣсколькихъ старухъ, дѣтей, Арабовъ и двухъ молодыхъ слугъ, лѣтъ по 15, которые принесли завтракъ, вина и, разу-мѣется, калянъ. Мы сидѣли, какъ водится, на полу, и подчиваніе со-стояло изъ риса, варенаго въ водѣ, соуса изъ тыквы (т. е. лучше ска-зать *баданджана*), изъ бараньяго супа, и проч.

Послѣ завтрака Мирза-Баба вынулъ изъ ниша деревянную ложку, которую просилъ меня принять въ мою коллекцію Персидскихъ вещей. Потомъ вышелъ на дворъ и кого-то позвалъ. Премилая женщина, не-большая ростомъ, молодая и цвѣтушая, подошла къ нему, одѣтая просто въ ситцевомъ архалукъ и шараварахъ. Она что-то ему вручила, и онъ оборотился ко мнѣ, подалъ шапку изъ синей шали, шитую бѣлымъ шел-комъ на подобіе жемчуга, и сказалъ, что дочь его дарить ее мнѣ.

Когда мы вышли на другой дворъ, чтобъ садиться на лошадей, нѣсколько бѣдныхъ больныхъ мужчинъ и женщинъ обступили доктора,

и онъ сталъ раздавать имъ всѣмъ лекарства и совѣты, со вниманіемъ и участіемъ, которое еще болѣе возвысило мое мнѣніе о Мирзѣ Баба. Между прочими, тутъ была или былъ дервишъ женскаго рода, дервишествовавшая старуха.

Мирза Баба въ молодости долго жилъ въ Англіи, и потому въ немъ, кажется, нѣтъ тѣхъ предразсудковъ, въ которыхъ Персія закоснѣла.

Мы поѣхали во дворецъ.

Мой Туркменскій жеребецъ ржалъ болѣе обыкновеннаго, и старался бить и кусать всѣхъ встрѣчающихся намъ лошадей. Когда мы вошли къ маленькому Шахзадѣ, онъ уже былъ одѣтъ въ парадную одежду, обвѣшенъ драгоценными камнями, и сидѣлъ на шали, привалившись къ огромнымъ двумъ подушкамъ.

Во время сеанса онъ также что-то чертилъ на бумажкѣ, и нѣсколько разъ просилъ своего гувернера нарисовать ему куропатку.

На другой день рано я пришелъ для другаго сеанса, и надѣлъ мундиръ, потому что мнѣ назначено было идти послѣ къ Шаху. Дорисовывая портретъ маленькаго Шахзадѣ и куря по временамъ кальянъ съ его дядькой, я ожидалъ шахскаго приказанія; но оно худо, кажется, было исполнено: пришли за мной очень поздно отъ Шаха, и спросили, есть ли со мной краски. Я торопливо схватилъ мой аппаратъ и портретъ Аббасъ-Мирзы, который довольно удался, и поспѣшилъ на шахскій пріемный дворъ. Тамъ было много ожидающихъ царедворцевъ, одинъ бѣлый евнухъ, преотвратительный старикъ, и нѣсколько генераловъ въ новомъ костюмѣ. Мнѣ сказали, что Шахъ давно ждетъ меня, но теперь уже принялся за молитву, послѣ которой поѣдетъ со двора навѣстить какихъ-то священныхъ особъ. Это извѣстіе, разумѣется, подѣйствовало на меня какъ громовой ударъ. Я рѣшился по крайней мѣрѣ ждать, и стать на такое мѣсто, чтобъ Шахъ замѣтилъ меня, когда выйдетъ. Между тѣмъ одинъ Персидскій генералъ, очень любезный чудакъ и, по отзы-

вамъ, отличный человѣкъ (Гуссейнъ-Паша-Ханъ), сказалъ мнѣ на ухо : «то, что я вамъ обѣщалъ, будетъ сегодня вечеромъ; я не лгунъ, я буду у васъ за часъ передъ закатомъ солнца, и ужинаю у васъ.» За нѣсколько дней передъ этимъ, онъ дѣйствительно обѣщалъ представить удивительный предметъ для моей кисти. Но зная уже весь Персидскаго слова, я, разумѣется, и не думалъ вѣрить ему.

Шахъ вдругъ вышелъ въ довольно странномъ полу-Европейскомъ нарядѣ. Его неловкія тѣлодвиженія, толщина, большая голова, колеблющаяся походка (онъ хромаетъ отъ подагры, хотя ровесникъ мнѣ — 55 лѣтъ), и вообще неуклюжая наружность, составляли жалкую картину. Лице его было мрачно, и онъ казался недоволенъ, какъ будто смущенъ; но когда увидѣлъ меня, свойственная ему пріятливость выразилась на лицѣ улыбкой; онъ остановился и сказалъ по-Турецки: *геджъ олды*, — *поздно сдѣлалось*, оставимъ до другаго дня; потомъ спросилъ, здоровъ ли я. Я отвѣчалъ, что по милости его здоровъ, и Шахъ пошелъ садиться на лошадь, но приказалъ вслухъ, чтобъ мнѣ отнесли сахару и дичи.

Между тѣмъ Мирза Али успѣлъ подбѣжать къ Шаху съ моимъ портретомъ маленькаго Шахзаде; Его Величество однакоже былъ слишкомъ занятъ трудомъ своего шествія и трудомъ садиться на лошадь, чтобъ обратить вниманіе на рисунокъ. Онъ приказалъ оставить его во дворцѣ, повторилъ еще разъ: «послать ему сейчасъ дичи и сахару,» и поѣхалъ тихимъ шагомъ на чаломъ конѣ, съ перомъ между ушей, знакомъ царскаго отличія. Множество скороходовъ со всѣхъ сторонъ окружали шахскую лошадь. Они были странно одѣты, съ перьями на шапкахъ и съ серебряными деньгами, нашитыми на платьяхъ на груди, на спинѣ и на рукавахъ, что, вѣроятно, было символомъ шахскаго богатства. Чтобъ придать торжественности шахскому поѣзду, загремѣла военная музыка. Я также сѣлъ на лошадь и отправился домой торжественно: передо мной шахскіе люди церемоніально несли упомянутый сахаръ и дичь. Сахаръ состоялъ изъ множества головъ желтаго цвѣта самаго низкаго сорта, разставленныхъ на огромномъ поднось; а

дичь была джейранъ (родъ оленя), котораго четверо тащили за ноги, и десятка два куропадокъ. Придворныхъ людей набралась куча, въ надеждѣ сорвать съ меня бакшишъ за шахскую милость, однакоже я имъ далъ не болѣе ста рублей, чѣмъ они крайне остались недовольны. Въ Персіи впрочемъ въ обычаѣ всегда изъяслять недовольствіе тѣмъ, что даютъ, чтобъ показать, что достойны получить болѣе. Удовольствоваться наградой въ Персіи значило бы унизить себя.

Гуссейнъ-Паша-Ханъ пришелъ въ назначенный часъ, съ толпой людей своихъ, которыхъ онъ тотчасъ же отправилъ домой, оставя при себѣ только одного молодого человѣка. Онъ далъ ему какое-то тайное порученіе, и сталъ ходить по верхней террасѣ моего дома съ примѣтнымъ безпокойствомъ. Онъ, казалось, боялся, что если коммиссія его не удастся, то онъ покажется въ нашихъ глазахъ лгуномъ; тѣмъ болѣе, что мы нарочно при немъ нѣсколько разъ уже высказывали презрѣніе къ лгунамъ; а онъ увѣрялъ, что въ этомъ отношеніи онъ не похожъ на своихъ соотечественниковъ. Гуссейнъ однакоже не имѣлъ намѣренія обмануть насъ; заранѣе разспросилъ онъ у меня, скромны ли мои люди, и какой націи, и очень былъ доволенъ, когда узналъ, что они всѣ Армяне.

Въ ожиданіи чуднаго предмета для моей кисти, мы смотрѣли, что происходило на сосѣднихъ террасахъ, что впрочемъ въ Персіи считается нескромностію. На ближайшей террасѣ сидѣла женщина молоденькая и хорошенькая собой, но бѣдно одѣтая. Она чинила тюфякъ. Вдругъ высокій и молодой Персіанинъ, вѣроятно мужъ ея или братъ, вышелъ на террасу изъ своей берлоги, съ палкой въ рукахъ, и началъ бить хорошенькую женщину. Это однакоже была шутка, хотя и довольно чувствительная. Персіянка ловко уклонялась прыжками отъ ударовъ; а между тѣмъ мы преслѣдовали жадными взорами гибкій, обнаженный ея станъ. Гуссейнъ-Паша-Ханъ совѣтовалъ намъ не пристально смотрѣть на подобныя сцены, чтобъ не навлечь на себя какой-нибудь непріятности.

Солнце закатилось, волюнки и трубы перестали рычать. Безпокойство нашего гостя болѣе и болѣе увеличивалось; но вдругъ послышался стукъ въ двери; мы отворили, и посланникъ Гуссейна ввелъ женщину въ чадръ. Когда она сбросила ее — это-то обѣщанный перлъ Тегерана? — подумалъ я.

Недавно купилъ я, за 30 червонныхъ, у Шахзадэ Магомета-Вели-Мирзы, щитъ подобный тому, который такъ благосклонно дарилъ мнѣ Кейхабадъ. Посредникомъ между мною и Магометомъ-Вели-Мирзой былъ купецъ Персіанинъ; онъ сказалъ мнѣ, получая съ меня деньги, что хотя Шахзадэ и далъ ему слово отдать щитъ за 30 червонцевъ, но что нельзя на это полагаться, пока не вручены деньги. Вы знаете, прибавилъ онъ, что наши Шахзадэ (т. е. царевичи) *совсѣмъ пропали*. Онъ выразился по Персидски: *тамамъ харабъ*. *Харабъ* имѣетъ много значеній: если дорога дурна, испорчена или грязна, то говорятъ, что она *харабъ*; если городъ опустѣлъ и развалился, онъ *харабъ*; если кто боленъ, потерялъ кредитъ, обѣднѣлъ, тотъ *харабъ*; платье изорвано, или что-нибудь сломано — все это выражается словомъ *харабъ*; а дѣтей Фетъ-Али-Шаха называютъ *харабъ*, потому что они бѣдны, безъ власти и безъ нравственности.

Я рѣшился отправиться изъ Тегерана въ самый день моего рожденія. Все уже готовится и рассчитывается. Караванъ мой будетъ состоять не менѣе, какъ изъ 15 лошадей.

27-го Января 1839. Вчера мы всѣ Русскіе ѣздили за городъ праздновать день рожденія Генерала Дюгамеля: онъ на дняхъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры. Мы ѣздили верхомъ верстъ за 10, въ садъ, гдѣ посольство живетъ лѣтомъ. По возвращеніи домой я былъ весьма огорченъ. Шахъ присылалъ за мной, вѣроятно за тѣмъ, чтобъ рисовать его. Я совершенно былъ разстроенъ этимъ извѣстіемъ, что снова потерялъ случай услужить Шаху.

Одинъ изъ здѣшнихъ вельможъ, евнухъ Хозревъ-Ханъ, извѣстный своей силой и веселымъ характеромъ, узнавъ, что я собираю оружія

для моего брата, подарилъ мнѣ щитъ изъ черной кожи; но онъ былъ обыкновененъ, и я отдалъ его моему Францу. Простой кинжалъ, подаренный мнѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Мирзой Масудомъ, имѣлъ ту же участь.

29-го Января. Послѣ завтра я собираюсь ѣхать; взялъ уже прогонныя деньги изъ посольства, нанялъ лошадей; паспортъ мой засвидѣтельствованъ. Я писалъ уже къ Мирзѣ Масуду, что желаю проститься съ Шахомъ. Говорятъ, что добрый Магометъ-Шахъ велѣлъ приготовить мнѣ двѣ шали, и хочетъ пожаловать меня орденомъ Льва и Солнца. Онъ очень милостивъ и добръ; не знаю, какъ ему изъяснить мою благодарность; по крайней мѣрѣ изъ Петербурга надо будетъ что-нибудь послать въ даръ.

Сюда пріѣхалъ изъ Константинополя, курьеромъ, молодой Франкини, принадлежащій къ нашей миссіи въ Константинополь, съ необыкновенною скоростію: изъ Константинополя въ Требизондъ на пароходѣ, а изъ Требизонда сюда по почтѣ верхомъ черезъ Тавризъ. Все это онъ проѣхалъ, кажется, въ 22 дни. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Г. Бутенева, посланника нашего въ Турціи.

30-го Января. Какъ благодаренъ я Г. Дюгамелю. Онъ доставилъ мнѣ всѣ возможные удобства въ пути и пребываніи моемъ въ Персіи; я обязанъ ему за расположеніе его ко мнѣ и за вниманіе столь свойственныя его благороднымъ чувствамъ въ отношеніи всѣхъ и каждаго.

Персидскій купецъ, мой комиссіонеръ, принесъ продавать трости для одного моего знакомаго. На замѣчаніе мое, что на одной изъ тростей не держится набалдашникъ, купецъ отвѣчалъ мнѣ, что это ничего, потому что можно прибить гвоздемъ.

Мнѣ иногда приносятъ продавать платья или матеріи изорванныя, и увѣряютъ весьма серьезно, что это ничего не значитъ, потому что можно зашить.

На дняхъ принесли шерстяныя чулки съ разноцвѣтными буке-
тами по бѣлому грунту. Я сказалъ, что не возьму ихъ, потому что, ка-
жется, ихъ нельзя мыть; купецъ отвѣчалъ, что можно мыть ихъ,
только не надо мыть тѣ мѣста, гдѣ цвѣты. Послѣ этого я ужъ не
знаю, какое понятіе въ Персіи имѣютъ о мытьѣ, и что они подѣ
этимъ разумѣютъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь очень трудная вещь что-
нибудь вымыть, даже самого себя трудно держать въ чистотѣ. Чистой
воды не скоро добудешь въ Тегеранѣ; прачекъ нѣтъ, моютъ для насъ
мужчины, — и разумѣется, очень плохо; Персіане же почти ничего не
моютъ изъ своего платья, даже рубашекъ.

Хуррумдерэ. 9-го Февраля 1859 г.

Я въ избѣ въ деревнѣ Хуррумдерэ, почти задыхаюсь отъ дыма,
и отъ нечего дѣлать принимаюсь за письмо. Выѣхалъ изъ Тегерана
2-го Февраля: 1-го числа въ самый день моего рожденія меня задер-
жали въ Тегеранѣ, чтобы вручить отъ Шаха орденъ Льва и Солнца,
двѣ шали, весьма хорошія, и лошадь самую плохую. Двѣ шали оцѣ-
нили мнѣ около тысячи рублей, и, посоветовавшись въ посольствѣ, я
далъ 15 червонцевъ человѣку, который ихъ мнѣ принесъ. Это былъ
шахскій гуламъ, родъ комиссіонера, который крайне остался недово-
ленъ и какъ будто обиженъ. Орденъ принесъ мнѣ чиновникъ министер-
ства иностранныхъ дѣлъ, которому я далъ за это 10 червонцевъ, и онъ,
къ крайнему моему удивленію, удовольствовался, вѣроятно потому, что
чаще имѣлъ дѣло съ Европейцами, и знаетъ, что болѣе не дадутъ. Ор-
денъ, украшенный алмазами, оцѣнили мнѣ въ 30 или 40 червонцевъ. Что
касается до лошади, которую привели четыре человѣка, она была такъ
дурна, что я далъ за нее только 8 червонцевъ, а она конечно, стѣдитъ
и того меньше. Анекдотъ объ этой лошади довольно оригиналенъ. Я
ѣхалъ въ посольство, впереди шелъ Армянинъ, мой конюхъ; вдругъ вижу,
четыре человѣка торжественно ведутъ большую гнѣдую лошадь, хроую
и явно негодную, хотя она покрыта была большою попоной. Я дога-
дался, что это для меня, и думалъ, какъ бы съ приличнымъ подобо-
страстіемъ принять шахскую милость. Но мы еще не успѣли поров-

няться, вдругъ мой конюхъ, какъ вѣрный и преданный слуга, желая исполнить свой долгъ, началъ бранить шахскихъ людей, и кричать, что лошадь никуда не годится, что намъ не надо такой клячи, и что онъ ни за что ее не впуститъ въ мою конюшню. Я изумился, не зная, что дѣлать при плохомъ знаніи языка; по возможности, однакоже, уговаривалъ своего конюха; но онъ ни мало не обращалъ вниманія на мои возраженія. Въ увѣренности, что дѣлаетъ свое дѣло, онъ продолжалъ ругать посланцевъ. Не знаю, показалось ли имъ, что я подтверждаю слова моего конюха, — только они смутились, подумали и воротились съ лошадью въ шахскую конюшню. Мой Багаръ торжествовалъ. Пріѣхавъ въ посольство, я рассказалъ чиновникамъ и переводчикамъ это событіе, и просилъ ихъ, чтобы они мнѣ помогли. Черезъ 10 минутъ, привели другую лошадь отъ Шаха (т. е. отъ шахскаго шталмейстера, ибо Шахъ, разумѣется, ничего этого не знаетъ) прямо на посольскій дворъ, сърую, можетъ быть еще хуже первой. Конюхъ мой опять было вооружился, Персіане снова готовы были увести ее; но я вступился и кое-какъ объяснилъ, что принимаю съ благодарностію милость шахскую. Не смотря на это, они, вѣроятно, затронутые насмѣшками и бранью моего конюха, повели лошадь назадъ, сказавъ, что покажутъ ее первому министру Гаджи-Мирзѣ-Агасси, чтобы онъ разсудилъ, достойна она быть подарена мнѣ, или нѣтъ. Такимъ образомъ надменность моего конюха дала высокое обо мнѣ мнѣніе. Однакоже черезъ полчаса привели ее снова, съ извиненіемъ, что у нихъ теперь нѣтъ лучше лошади, что когда я *ишала* (дастъ Богъ) пріѣду въ другой разъ, то ужъ мнѣ приготовятъ славную лошадь; но что впрочемъ и эта не худа, даже отлична, что Гаджи-Мирза-Агасси ее знаетъ.

Когда я прощался съ Гаджи-Мирзой-Агасси, онъ подтвердилъ уже сказанное мнѣ о лошади, осыпалъ меня учтивостями и изъявилъ надежду опять увидѣть меня въ Персіи, съ моимъ старшимъ братомъ, въ чемъ я увѣрялъ его, слѣдуя Персидскому обычаю говорить что попало. Я благодарилъ его за милости Шаха; однакоже, передъ отъѣздомъ, я имѣлъ счастье лично быть у Его Величества. Онъ особенно былъ милостивъ ко мнѣ; спросилъ сперва о здоровьѣ, потомъ, со мной ли

краски, потомъ велѣлъ подать два портрета, которые я ему сдѣлалъ прежде, чтобъ поправить ихъ съ натуры. Я почтительно расположился передъ нимъ на полу. Шахъ сидѣлъ прекрасно, и я поправилъ, что могъ, замѣтивъ, что на портретъ волосы сдѣланы слишкомъ длинны, но что эту ошибку нельзя уже поправить. Онъ сказалъ, что это ничего; но что портретъ ему вообще кажется не конченъ, — не правда ли? — прибавилъ онъ, — но впрочемъ я не знаю, вы это лучше знаете.

Въ портретъ, о которомъ шла рѣчь, не было ни ковра, ни грунта. Я сказалъ, что онъ дѣйствительно не оконченъ, но что я, съ позволенія Его Величества, возьму его и окончу дома, равно какъ и портретъ маленькаго Шахзаде, къ которому надо прибавить еще коверъ и подушки. Шахъ снисходительно хвалилъ портретъ маленькаго принца, находилъ похожимъ и говорилъ, что весьма трудно такъ скоро рисовать и схватить сходство. Я воспользовался его добрымъ расположеніемъ, и просилъ его дать мнѣ еще короткій сеансъ. Онъ съ охотой согласился, сказалъ, чтобъ я не спѣшилъ, и сидѣлъ неподвижно минутъ 8 или 10. Сначала, повернувъ голову, онъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я нарисовать профиль, что это легче; но я отклонилъ это, отвѣчая, что профиль не будетъ такъ интересенъ.

Во время сеанса, добрый и внимательный Шахъ, по Персидскому обычаю, не переставалъ хвалить меня, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ придворныхъ, стоявшихъ рядомъ на другомъ концѣ залы у стѣны. Шахъ выражался по-Татарски, вѣроятно предполагая, что мнѣ нѣсколько понятенъ этотъ языкъ. Онъ говорилъ, что много видалъ Европейцевъ, но такого, каковъ этотъ (т. е. я), еще никогда не видалъ. Эта фраза обыкновенно употребляется для всѣхъ пріѣзжихъ въ Персію; но тѣмъ не менѣе, я съ признательностію слушалъ добраго Магометъ-Шаха, и рука моя ходила свободнѣе. Онъ продолжалъ, все обращаясь къ церемоніймейстеру и другимъ придворнымъ, что мое обращеніе ему очень нравится, что я изъ числа самыхъ отличныхъ людей, и проч. Такимъ образомъ благосклонный ко мнѣ *Центръ міра* постепенно возвышалъ гиперболы на мой счетъ, въ третьемъ лицѣ, какъ будто бы меня тутъ

не было, и еслибъ я прорисовалъ еще съ четверть часа, то, смотря по прогрессіи шахскихъ похвалъ, вѣроятно былъ бы вознесенъ до небесъ. Присутствующіе къ каждому слову шаха прибавляли: *бэли* (да).

Послѣдній эскизъ удался лучше перваго. Когда я сказалъ Его Величеству, что собираюсь ѣхать завтра или послѣ завтра, и пришелъ откланяться, онъ какъ будто удивился, и спросилъ, зачѣмъ такъ скоро. Я отвѣчалъ, что спѣшу рассказать въ Россіи, какъ я былъ осчастливленъ его милостью. Ему, кажется, понравилась эта учтивость; обратясь къ церемоніймейстеру, онъ еще разъ сказалъ, что ему нравится мое обращеніе, и спросилъ, приготовлены ли для меня подарки, и какіе. Ему отвѣчали, что приготовлены шали, орденъ и лошадь. Хорошо, сказалъ онъ, но чтобъ эти подарки были дорогіе, тумановъ въ 300. Я удалился, не оборачиваясь спиной до двери. Легко можно себя вообразить, какъ я былъ доволенъ.

Вотъ всѣ мои походы въ Тегеранъ. На другой день мы пили послѣдній разъ шампанское у Г. Дюгамеля за обѣдомъ, и я простился съ этимъ достойнымъ человекомъ.

2-го Февраля въ 12 часовъ, т. е. въ полдень, я выѣхалъ. Со мной было 9 вьючныхъ лошадей, 5 человекъ людей на наемныхъ лошадяхъ. Я ѣхалъ на одной изъ моихъ собственныхъ лошадей, а двухъ вели. Былъ маленькій дождь пополамъ съ снѣгомъ. Конюхъ Армянинъ жаловался, что лошадь, которую ему досталось вести, беспокойна, и что надобно ему на нее съѣсть. Я не позволилъ этого, чтобъ сберечь ея силы для слѣдующаго перехода. Конюхъ нахмурился, и черезъ нѣсколько минутъ выпустилъ лошадь изъ рукъ, какъ будто не въ состояніи былъ ее удержать, и она поскакала вдоль по степи. Потомъ и самъ онъ спустился медленно на землю съ своей лошади, и ее упустилъ. Всѣ побѣжали за лошадьми, кромѣ конюха Багара, который медленно подымался съ недовольнымъ видомъ. Мнѣ показалась эта комедія очень не по нраву, и я счелъ нужнымъ, въ примѣръ другимъ, подѣхать къ нему и крайне его удивить, ударивъ раза два хлыстомъ по длинной его спинѣ.

На половинѣ перехода, когда уже стало темно, я отъ скуки перегналъ свой караванъ и уѣхалъ впередъ съ однимъ слугою, Армяниномъ Степаномъ (переходъ былъ длинный — 8 фарсаховъ, по 7 верстъ фарсахъ), и наконецъ приходилось очень плохо: дороги я совсѣмъ не видѣлъ, а надо было часто переѣзжать въ бродъ по каменистымъ ручьямъ и по узкимъ развалившимся мостамъ, разумѣется, безъ перилъ, надъ глубокими рвами. Не знаю, какъ Богъ переносилъ; сколько разъ я сбивался съ дороги, и не понимаю, какимъ образомъ наконецъ попалъ въ развалины шахскаго дворца, называемаго Сулейманію, въ глубокую уже ночь. Нѣсколько комнатъ еще существуютъ въ этомъ дворцѣ; большая зала, красиво расписанная и съ цвѣтными окнами.... (но я, помнится, упоминалъ уже объ этомъ прежде). Черезъ три дня я прибылъ въ Казбинъ, городъ въ 100 верстахъ отъ Тегерана. Дорога была покрыта снѣгомъ. Когда ѣдешь изъ Тегерана въ Тавризь, то почти все поднимаешься въ гору, и воздухъ постепенно дѣлается холоднѣе и вѣтры сильнѣе. Квартіры худы; мои ревматизмы возобновились. Въ Казбинѣ я остановился въ домѣ нѣкоего Шерифъ-Хана, который былъ въ отсутствіи, и меня приняли четверо его дѣтей, изъ которыхъ старшему было 11 лѣтъ. И такъ среди развалинъ Казбина (ибо всѣ Персидскіе города суть ничто иное, какъ развалины самыя жалкія, представляющія бѣдное и мрачное зрѣлище распадающихся стѣнъ изъ глины) мнѣ дали комнату съ каминомъ, съ позолотами; въ ней одна стѣна была стеклянная, какъ въ оранжереяхъ, но изъ самыхъ мелкихъ кусковъ разноцвѣтнаго стекла, регулярно перемѣшанныхъ съ деревянными дощечками, потому что стекло здѣсь дорого и рѣдко. Большая часть этихъ стеколъ была, разумѣется, какъ всегда, перебита. Рѣзкій и холодный вѣтеръ проникалъ отовсюду въ скважины, и, потрясая бранный пріютъ мой, производилъ странный звукъ въ перебитыхъ стеклахъ и дощечкахъ. Другая стѣна почти вся состояла изъ одной двери и двухъ окошекъ, третья изъ двухъ дверей. Можно себя вообразить, что между этихъ трехъ стѣнъ нельзя ожидать много тепла зимой. Въ четвертой стѣнѣ однакоже, къ которой я привалился въ шубѣ, къ утѣшенію моему былъ каминъ, изъ котораго густыя облака дыма наполняли эѳирную комнату, родъ бесѣдки, въ которой лѣтомъ, я думаю, жаръ долженъ быть нестерпимъ.

Я старался согрѣть себя этою мыслью, но тщетно; и потому упросилъ, чтобы кое-какъ заткнули по крайней мѣрѣ главныя отверстія отъ мороза. Дѣти пришли и церемонно расположились на полу, а наставникъ ихъ сталъ въ углу. Второй сынъ моего хозяина, 10-ти лѣтъ, былъ наследникъ титула и имѣнія отца, по благородному происхожденію матери. Кромѣ этихъ четырехъ дѣтей, въ домѣ еще были четыре жены Шерифъ-Хана, пребывающаго въ Тегеранѣ на службѣ. Десятилѣтній мальчикъ, усѣвшись чинно и почтительно, сперва спросилъ меня, каково мое здоровье, а я спросилъ его, въ веселомъ ли онъ духѣ. Онъ отвѣчалъ, что въ моемъ присутствіи нельзя не быть веселымъ. Я подаль ему кусокъ кулича, и спросилъ, хорошъ ли? Онъ отвѣчалъ, что все, что я даю, не можетъ быть худо, слѣдовательно хорошо, — ибо что вы кушаете, прибавилъ онъ, конечно должно быть отлично. У меня была шапка на головѣ, а другая на столѣ, и чтобъ поддержать разговоръ, я спросилъ его, которая лучше. Та, которая вамъ болѣе нравится, конечно должна быть лучше, сказалъ онъ; впрочемъ обѣ прекрасны, все у васъ хорошо, потому что вы сами отличны. Послѣ столь интереснаго разговора, я попросилъ этого ребенка удалиться, и послалъ его матери, которая, по словамъ дядьки, была молода и хороша, чашку чаю. Въ отвѣтъ на эту учтивость, она прислала попросить у меня фунтъ чаю, который я, разумѣется, не далъ. На другой день рано мнѣ пришли возвѣстить, что хозяинъ моихъ наемныхъ лошадей, въ противность нашему условію, не хочетъ сегодня выѣзжать въ дорогу, и рѣшился дневать въ Казвинѣ. Я сказалъ, что если такъ, то надо его оставить и искать другихъ лошадей, что и сдѣлали, и вмѣсто лошадей взяли лошаковъ, потому что они, говорятъ, сноснѣе. Однакоже я таки не могъ выѣхать въ тотъ день, — новые *чарвадары* (проводники) не успѣли собраться; но я имѣлъ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что прогналъ обманщика. Онъ пришелъ было ко мнѣ, чтобъ заставить меня продолжать съ нимъ путь; но только что приподнялась занавѣсъ моей двери и показался носъ бездѣльника и потомъ вся его фигура, я съ поспѣшностію бросился съ постели, на которой лежалъ, и далъ ему нѣсколько ударовъ хлыстомъ. Видя, что никакихъ переговоровъ не будетъ, онъ удался молча и поспѣшно. Новые проводники наши были гораздо исправнѣе. Я вы-

ѣхалъ изъ Казбина, пробывъ тамъ около двухъ сутокъ въ безпрестанныхъ разговорахъ съ дѣтьми Шерифъ-Хана и съ ихъ дядькой, по-Персидски *лалл*. Они мнѣ дали лепешекъ съ сахаромъ и черносливу на дорогу, а я далъ по червонцу дядькѣ и назиру (управляющему домомъ). Въ Казбинѣ я купилъ большіе красные сапоги для дороги. Переходъ былъ не великъ, и я рано пріѣхалъ въ деревню *Сіодоунъ*. Тутъ мнѣ принесли винограду, не много уже поизсохшаго, но очень вкуснаго.

Въ Казбинѣ я приложилъ себѣ испанскую мушку, принималъ лекарство и ставилъ ноги въ золу, но напрасно; ходилъ смотрѣть баню, но не воспользовался ею, потому что передбанникъ былъ холодный. Въ дорогу надѣлъ фланелевое исподнее платье, длинныя шерстяныя чулки, кашемировыя большіе Казбинскіе сапоги и широкія суконныя шаравары, въ которыя, по-Персидскому обычаю, вправилъ свой архалукъ; сверхъ архалука напялилъ сертукъ, потомъ макинтошъ изъ Англійскаго магазина, а голову запряталъ въ мѣховую Персидскую шапку, надеясь этимъ избавиться отъ головнаго ревматизма, который безпрестанно меня мучилъ съ тѣхъ поръ, какъ насталъ холодъ. При самомъ рѣзкомъ вѣтрѣ солнце пекло и сильно отражалось на снѣгу, глазамъ было больно, и голова у меня стала мокра отъ жара. Но чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ болѣе подымался на гору, снѣгу на дорогѣ все прибавлялось, вѣтеръ становился рѣзче и холоднѣе, я совершенно продрогъ до костей, и вьюга проникала сквозь все мои кутанья; я скакалъ, какъ только могъ, вьюки и люди оставались далеко назадъ, за мной слѣдовалъ только мой вѣрный Степанъ; бѣдная шахская лошадь выбилась изъ силъ. Я обыкновенно каждый день перемѣняю лошадей, чтобъ дать имъ отдыхъ, но она насилу тащилась. Я слѣзъ, и брелъ пѣшкомъ, бѣжалъ съ жестокою зубною болью. Переходъ былъ въ 8 или 9 фарсаховъ, и мнѣ казалось, что ему не будетъ конца. Я изрѣдка спрашивалъ у проѣзжихъ, нѣтъ ли гдѣ деревни по дорогѣ, гдѣ бы я могъ остановиться и согрѣться. Наконецъ вдали показалась деревня, и я побѣжалъ туда во всю мочь. Степанъ уступилъ мнѣ свою бурку, видя, что я ни живъ, ни мертвъ. На немъ оставалась овчинная шуба. И слава Богу, я дотащился до хижины, гдѣ бѣдные поселяне усердно

приняли меня; тотчасъ же приготовили мнѣ кальянъ и зажгли огонь въ куренѣ своемъ. Густой дымъ окружилъ меня, и не выходилъ вонъ, не смотря на множество скважинъ, нарочно для того сдѣланныхъ. Добрые люди достали молока и вскипятили его. Я расположился, велѣлъ стеречь, когда поравняются съ этой деревней, лежащей довольно далеко въ сторонѣ отъ дороги, мои व्यюки, чтобы достать изъ нихъ денегъ и вина. Черезъ часъ мнѣ принесли все, что было нужно. Я согрѣлся, заплатилъ бѣднымъ хозяевамъ, и продолжалъ путь. Со мной былъ путешественникъ, ѣхавшій по той же дорогѣ, который указалъ мнѣ деревню.

Оставалось только полтора фарсаха до того мѣста, куда михмандаръ мой отправился для приготовленія ночлега. Лошадь моя, которая также отдохнула въ деревнѣ, шла теперь бодро. Дорога тянулась все въ гору, холодъ, вѣтеръ и снѣгъ увеличивались. Наконецъ къ ночи я доѣхалъ до станціи, деревни Хуррумдерэ, откуда и пишу теперь. Она почти лучше всѣхъ деревень, которыя довелось мнѣ видѣть въ Персіи. Будучи скрыта отсюда, Хуррумдерэ неожиданно является въ углубленіи измученному страннику. Послѣ продолжительнаго и труднаго пути (не менѣе 12 часовъ) по голымъ хребтамъ, едва живой отъ выюги, усталости и скуки, онъ вдругъ видитъ передъ собой лошину, и спускался въ нее, въѣзжаетъ въ долину тихую и прекрасную; дорога извиивается по зеленымъ берегамъ ручья, вѣтру нѣтъ, снѣгъ, выюга и стужа все осталось на верху; воздухъ становится теплѣе, чѣмъ болѣе спускаешься внизъ; открываются ряды высокихъ тополей, за ними густая зелень, и сельскіе дома въ глубинѣ мирной долины.

Въ комнатѣ, приготовленной для меня, горѣлъ большой огонь въ каминѣ, но было холодно, вездѣ скважины; обилие кое-гдѣ войлоками, однако все-таки сквозить, и я сижу въ шубѣ. Хозяева дома, два брата, принесли мнѣ винограду, орѣховъ и изюму; потомъ младшій, съ большимъ замѣшательствомъ, сказалъ мнѣ, что есть и вино. Я очень благодаренъ былъ ему и велѣлъ сейчасъ же принести бутылку. Онъ почти дрожалъ отъ страха, полагая, что дѣлаетъ преступленіе гнусное и постыдное, предлагая вино. Вино однакоже оказалось негоднымъ, и не имѣло даже

ни малѣйшаго виннаго вкуса. Такимъ образомъ я здѣсь по неволѣ лечусь однимъ виноградомъ, и нахожу, что виноградъ весьма полезенъ; но лѣтомъ я предпочитаю виноградный сокъ. Въ холода и вообще зимой, вино мнѣ непріятно и вредно, и я употребляю его какъ лекарство, когда нужно согрѣться и привести въ движеніе кровь. Виноградъ ѣмъ я съ жадностію, вѣроятно потому, что наружный холодъ производитъ во мнѣ внутренній жаръ.

Я намѣревался уже продолжать путь, но мнѣ пришли возвѣстить, что нѣтъ возможности отправляться въ Султанію, слѣдующую станцію, потому что вьюга такъ сильна и столько снѣгу, что нельзя никакъ видѣть дорогу, что всѣ прочіе чарвадары остаются сегодня днявать, за совершенною невозможностію продолжать путь, что авось завтра утихнетъ вьюга. Не совсѣмъ довольный этимъ оборотомъ обстоятельствъ, я продолжалъ ѣсть виноградъ и грѣться у камина; но между тѣмъ вознамѣрился перемѣнить родъ путешествія, несноснаго уже для меня, рѣшился покинуть въ Хуррумдерѣ всѣхъ моихъ людей, лошадей и вещи, и пуститься самому *чапаромъ* (курьеромъ) на почтовыхъ, съ однимъ моимъ конюхомъ, взявъ только самыя необходимыя вещи для дороги; онъ всѣхъ проворнѣе изъ трехъ моихъ Армянъ, и на станціяхъ очень расторопенъ.

Догадавшись, наконецъ, что одна только бурка можетъ предохранять отъ страшнаго вѣтра, свирѣпствующаго здѣсь зимой на Султанійскихъ высотахъ, я купилъ бурку. Лѣтомъ въ Султанію, куда я завтра поѣду, говорятъ, климатъ, очень хорошъ, жару никогда нѣтъ. Это, я думаю, самое высокое мѣсто изъ всей Персїи, разумѣется, кромѣ вершинъ горъ, и потому Фетъ-Али-Шахъ обыкновенно въ жаркое время удалялся въ Султанійскій увеселительный свой замокъ, и по рассказамъ, охотился и жилъ въ лагерь на просторныхъ поляхъ, гдѣ теперь свирѣпствуетъ такая страшная зима, и путь для путешественника такъ труденъ и даже опасенъ отъ глубины снѣговъ и ослѣпляющей вьюги.

Такимъ образомъ я буду черезъ четыре дня въ Тавризъ; а если бы продолжалъ путь съ моимъ караваномъ, то поспѣлъ бы туда

не прежде, какъ въ 12 дней, и безъ сомнѣнія, при такой погодѣ еще болѣе: бѣдные лошаки съ сундуками на спинахъ едва бредутъ и безпрестанно падаютъ. Однакоже, такъ какъ ужъ надо было оставаться мнѣ сегодняшний день здѣсь, то я заказалъ себѣ завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Одинъ поселянинъ принесъ мнѣ свѣжей рыбы, форели, что весьма рѣдко въ Персіи; другой теплыя рукавицы своей работы, за которыя я очень былъ благодаренъ; третій два арбуза; но такъ какъ арбузамъ прошло уже время, то попортившіяся мѣста были заткнуты хлопчатой бумагой. Я съ удовольствіемъ раздавалъ деньги этимъ бѣднымъ людямъ, которые такъ усердно старались услужить мнѣ и не просили ничего. Вдругъ послышались ружейные выстрѣлы. Это мой феррашъ Степанъ вздумалъ стрѣлять какихъ-то жалкихъ птичекъ, и съ торжествомъ принесъ мнѣ своихъ жертвъ.

До Султаніэ отсюда, говорятъ, 6 фарсаховъ, если не больше. Тамъ я перемѣню лошадей, и проѣду еще 6 фарсаховъ до Зенгана, гдѣ хочу остановиться на ночлегъ; потому что Зенганъ хорошее мѣсто, и тамошній правитель города весьма привѣтливъ.

Между тѣмъ дыры, служащія въ моей избѣ вмѣсто оконъ, заткнуты, и у меня день и ночь горятъ свѣчи. Я пробовалъ выходить изъ избы, чтобъ воспользоваться ясной погодой, но холодный вѣтеръ прогонялъ меня назадъ; хотя спускаясь въ эту долину мнѣ показалось, что вѣтра совершенно нѣтъ.

11-го Февраля. Вчера утромъ, покинувъ свои вьюки, всѣхъ лошадей, моего Нѣмца Франца и весь свой караванъ, рано, до свѣта, съ Багаромъ, сквозь страшную вьюгу и глубокій снѣгъ, отправился я со всевозможною скоростію въ Султаніэ, и прибылъ туда въ 1 часу по полудни. Разстояніе было около 40 верстъ. Тутъ я вошелъ въ сарай станціи; мнѣ развели огонь, принесли кальянъ, кислаго молока и хлѣба. Отдохнувъ съ часъ и побесѣдовавъ съ почтовыми служителями, очень услужливыми и внимательными, я перемѣнилъ почтовую лошадь, и проѣхалъ верстъ 40 до города Зенгана, куда прибылъ очень поздно. Ночь

застигла меня еще на послѣдней четверти дороги. Почтовые служители въ Зенганѣ вышли мнѣ на встрѣчу, и помогли влѣзть на возвышенное мѣсто сарая, довольно обширное, гдѣ всѣ люди спятъ вмѣстѣ и гдѣ есть каминъ. Сильный запахъ навоза не даетъ разводиться здѣсь настѣкомымъ; тутъ я спалъ очень хорошо, и отправляюсь далѣе, не посѣтивъ правителя города, чтобъ не терять времени.

12-го Февраля. Сегодня мои именины. Я праздновалъ ихъ въ Міанѣ. Міана есть извѣстный вертепъ разбойниковъ — клоповъ. Конюхъ мой набралъ этихъ смертоносныхъ животныхъ, называемыхъ *мля*, завернулъ ихъ въ нѣсколько бумажекъ, и безъ всякаго опасенія засунулъ въ свою шапку, и такимъ образомъ путешествуетъ со мной, и смѣется, что клопы шумятъ у него на головѣ.

До Тавриза осталось два дня ѣзды. Я въ деревнѣ Туркманчаѣ, гдѣ ночую также въ почтовомъ сараѣ. Смотритель пріятный старикъ. Онъ за мной ухаживаетъ, какъ за сыномъ, и велѣлъ своимъ женамъ приготовить славный ужинъ, долго разсуждая, какой жиръ положить въ пилавъ.

Я очень радъ, что покинулъ своихъ Нѣмцевъ, Русскихъ, Армянъ, лошадей и лошаковъ, которые ждутъ хорошей погоды, чтобъ проѣхать Султанійскія степи. Слишкомъ было бы жестоко зимовать съ ними. Кромѣ того, этотъ Донкихотскій походъ меня забавляетъ, хотя и трудно ѣхать около 50 верстъ, а иногда болѣе, отъ станціи до станціи. Въ день я проѣзжаю по двѣ. Рано утромъ сажусь на лошадь и скачу во всю мочь, на сколько позволяетъ трудность дороги и достоинство лошади, рысью, въ галопъ и во весь духъ, и то не прежде часу по полудни пріѣзжаю на первую станцію. Тутъ курю кальянъ, что-нибудь ѣмъ, и черезъ часъ снова пускаюсь въ путь. Чтобъ проскакать 45 или 50 верстъ, надо по крайней мѣрѣ ѣхать 6 или 7 часовъ, и я пріѣзжаю на ужинъ и ночлегъ не прежде, какъ часамъ къ 9 вечера.

Не ожидалъ я видѣть Персію покрытою глубокимъ снѣгомъ, чрезъ который лошади съ величайшимъ трудомъ могутъ пробираться.

ТАВРИЗЪ.

15-го Февраля. Я пріѣхалъ сюда вчера очень рано, проѣхавъ почти всю ночь. Консулъ прекрасный человѣкъ, и я у него какъ дома. Такъ какъ со мной нѣтъ ни одного порядочнаго платья, потому что все осталось во व्यюкахъ, которые придутъ сюда не прежде 8 или 10 дней, то я и не предпринимаю дѣлать визитовъ къ намѣстнику Шаха, брату его Кахраманъ-Мирзѣ, Эмиръ-Низаму, правителю Тавризской области (называемой Адербиджанъ), ни къ доброму моему пріятелю Армянину Седикъ-Хану, который нѣкогда со мной путешествовалъ отъ Ставрополя до Москвы.

18-го Февраля. Ожидаю своихъ вещей, людей и лошадей; я здѣсь ужъ 5 дней. Эмиръ-Низамъ и Кахраманъ-Мирза дѣлаютъ мнѣ всевозможныя одолженія, а я еще не могу къ нимъ явиться въ старомъ сюртукѣ и изорванной шапкѣ. Бдучи курьеромъ по почтѣ, ничего нельзя брать съ собой, потому что все портится, да и главное не куда класть. По пріѣздѣ моемъ Эмиръ-Низамъ прислалъ ко мнѣ Тавризскаго градоначальника привѣтствовать и узнать о здоровьѣ; потомъ прислалъ своихъ людей съ двумя живыми баранами въ подарокъ, 20 куропатокъ, 3 большія бутылки лимоннаго соку, столько же померанцеваго и множество блюдъ съ фруктами на большомъ деревянномъ подносѣ. На другой день Кахраманъ-Мирза прислалъ мнѣ своего управляющаго узнать объ здоровьѣ, и потомъ людей своихъ съ нѣсколькими блюдами конфетъ разныхъ сортовъ. Англичане, находящіеся здѣсь, консулъ Бонамъ, нѣсколько военныхъ и купцовъ навѣстили меня.

28-го Февраля. Не могу еще совсѣмъ оправиться отъ усталости, которую перетерпѣлъ въ послѣднюю поездку; но ревматизмы мои совершенно прошли на второй день курьерской моей ѣзды изъ Хуррумдэрэ сюда. Это странно, что такая сильная, продолжительная и почти застарѣвшая болѣзнь не могла устоять передъ вліяніемъ воздуха и чрезмѣрнымъ движеніемъ. Но этотъ моціонъ для моего сложенія былъ черезчуръ силенъ, и я еще не могу оправиться совершенно, хотя уже прошло

болѣе 10 дней. Вьюки пришли, — я былъ у Эмиръ-Низама и у Кахраманъ-Мирзы; могъ бы продолжать путь, но я сдѣлалъ имъ учтивость предложить нарисовать ихъ; такимъ образомъ надо подождать, пока они назначатъ мнѣ сеансы. Кахраманъ назначилъ сеансъ завтра; а Эмиръ-Низамъ просилъ меня нарисовать шахскаго наслѣдника, который находится здѣсь, и котораго я въ первый мой проѣздъ чрезъ Тавризъ собирался рисовать, но по скорому отъѣзду не успѣлъ. При всемъ этомъ я назначилъ отъѣздъ мой въ Тифлисъ черезъ 6 дней. Седикъ-Ханъ, давно знакомый мнѣ Армянинъ, въ первый проѣздъ мой находился въ отсутствіи. Въ небольшомъ разстояніи отъ Тавриза, въ горахъ, ему была поручена разработка мѣдныхъ рудъ и литье пушекъ. Теперь его, бѣднаго, требуютъ въ Тегеранъ на расправу — дать отчетъ въ суммахъ, отпущенныхъ ему Персидскимъ правительствомъ на 80 пушекъ, вмѣсто которыхъ оказалось у Седикъ-Хана только 12, а деньги вышли всѣ.

ТИФЛИСЬ. 2-го апрѣля 1859 г.

Принужденъ еще отложить мое отправленіе въ Петербургъ по случаю затрудненій пути чрезъ Кавказъ. Получилъ письмо отъ Г. Дюгамеля, который пишетъ, что уже мнѣ не нужно ничего ожидать отъ него, и что могу ѣхать. Сегодня воскресенье, — авось въ среду выѣду.

Здѣсь я познакомился съ Адъютантомъ Г. Перовскаго, Виткевичемъ, который на дняхъ прибылъ изъ Авганистана, проѣзжалъ чрезъ Тегеранъ, и привезъ мнѣ письма, между прочими письмо отъ Мирзы Масуда, министра иностранныхъ дѣлъ, по-Французски. Вотъ переводъ съ него:

Тегеранъ. 3 Зехходжа. 1254.

«Мой любезный другъ!

«Я сожалею очень, что вы уѣхали, не хотѣвъ проститься со мной, какъ водится между друзьями. Я подозреваю, что вы недовольны вашимъ путешествіемъ по Персіи, и въ особенности вашими сношеніями

со мной. Если я не ошибся въ последнемъ предположеніи, то прошу у васъ прощенія и желаю вамъ всякаго счастія.

«Вы такъ спѣшили насъ оставить, что даже не хотѣли взять отвѣтъ мой на письмо Князя Долгорукова, которое онъ черезъ васъ доставилъ мнѣ. Посылаю вамъ оный при семъ и прошу доставить. Кланяюсь вашему почтенному семейству и всѣмъ друзьямъ моимъ, которые помнятъ обо мнѣ, и имѣю честь пребыть

Вашимъ покорнымъ слугою;

Мирза Масудъ.»

Отвѣтъ мой на письмо Мирзы Масуда:

Владикавказъ. 16-го Апрѣля 1839.

«Я имѣлъ честь получить письмо Вашего Превосходительства черезъ Г. Виткевича, и не премину доставить письмо ваше зятю моему, Кн. Долгорукову. Не смѣю оправдывать себя передъ Вашимъ Превосходительствомъ; вы мнѣ выговариваете, слѣдовательно я долженъ быть виноватъ; скажу только, что мнѣ очень прискорбно, если навлекъ на себя ваше неудовольствіе, и еще болѣе, если вы сомнѣваетесь въ благодарности моей. Могу ли не цѣнить участіе и благосклонное вниманіе, которое вы обратили на меня во время пребыванія моего въ Тегеранѣ, и не признать, что вамъ единственно обязанъ я за всѣ милости Шаха. Вы привлекли на меня снисхожденіе Его Величества. Я прошу Ваше Превосходительство повѣрить, что я вполнѣ чувствую благодарность за гостепріимство, которымъ я вообще пользовался въ Тегеранѣ и особенно отъ Вашего Превосходительства.

«Имѣю честь пребыть,» и проч.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

Городъ *Зенганъ* произносится также *Зенджанъ*.

Стр. 17. стрк. 26. «Нѣмцевъ и Чухонцевъ» (колонистовъ).

— 28. — 2. Въесто *Зохакъ* непечатано ошибочно *Зейзакъ*.

— 30. — 5. Въесто *Хуррум-дерэ*, ошиб. *Хурруль-дэре*.

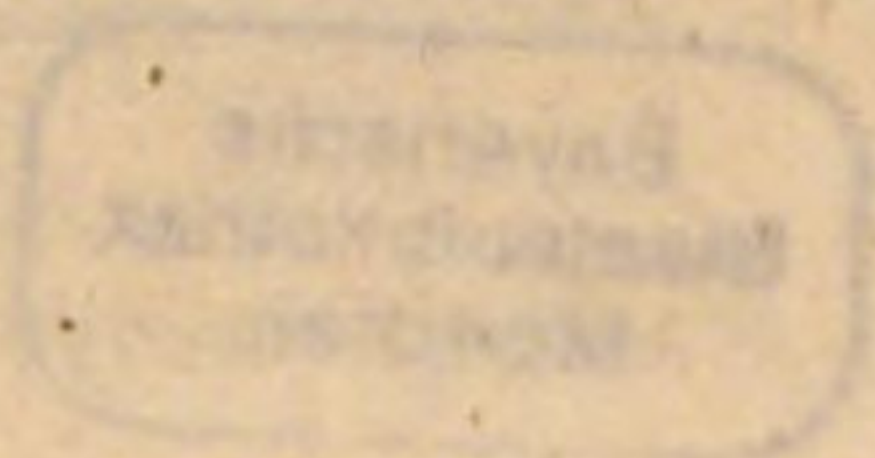
— 42. — 30. Чит.: Мирзой-Али-Экбаромъ.

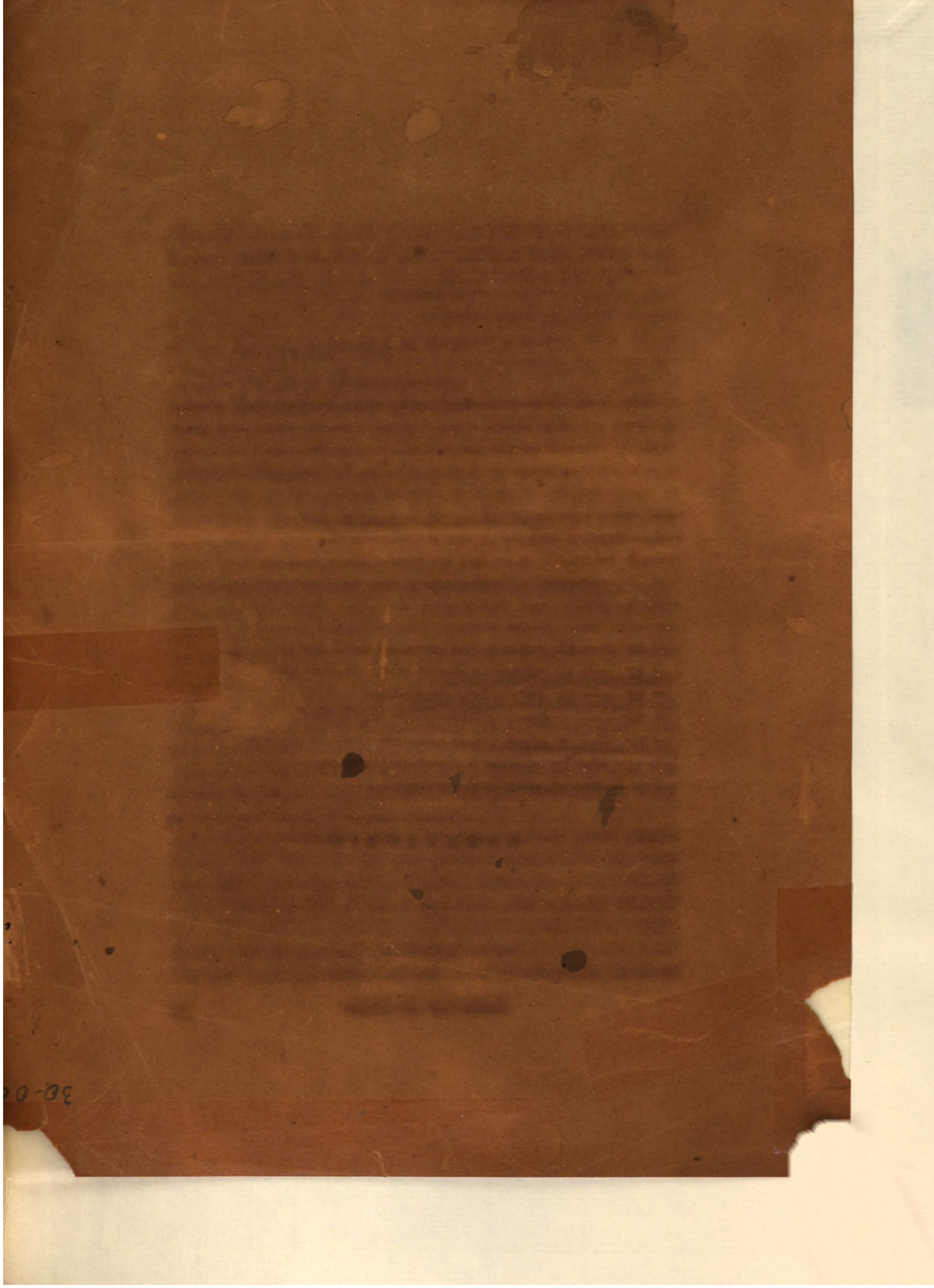
— 43. — 17. «*Жельзнаго щита*» читай: булатнаго щита.

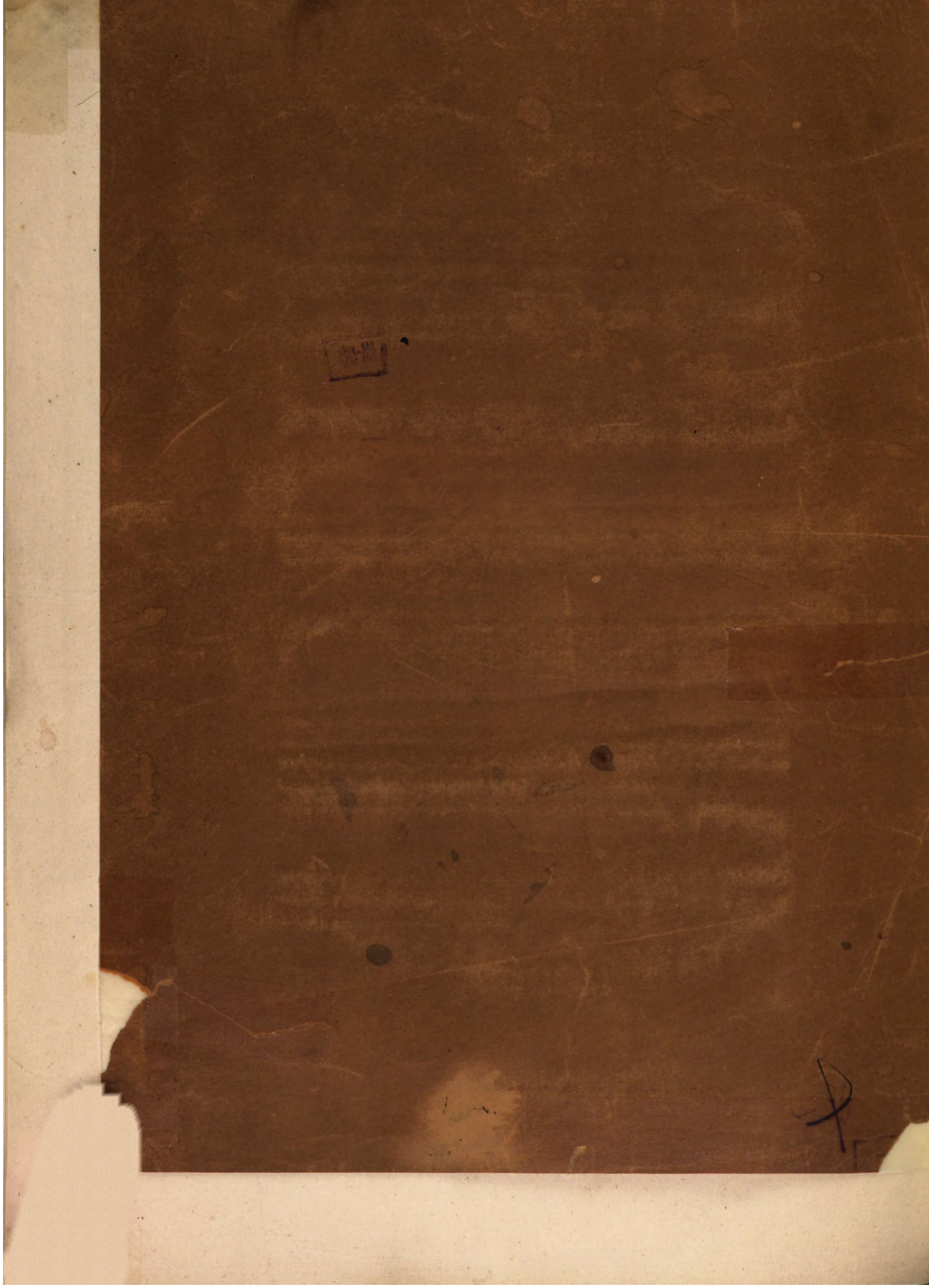
— 48. — 32. Въесто *Яланъ*, ошибочно напеч. *Хланъ*.

И Ч И М Д А И И

- Топка Замантэ збораномостен танго Замантэ
Срп. 17. срп. 26. Шлангас и Шлангас (срп. 17. срп. 26.)
— 28. — 2. Шлангас Замантэ танго Замантэ
— 30. — 3. Шлангас Замантэ танго Замантэ
— 42. — 30. Шлангас Замантэ танго Замантэ
— 43. — 17. Шлангас Замантэ танго Замантэ
— 48. — 32. Шлангас Замантэ танго Замантэ

Saltykov, Aleksěj Dmitrievič, Knjaž

Putešestvie v Persiju

Moskva 1849

2 lt.sing. 151 i

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10330470-5